

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**БЕЗУМИЕ
КНИГА 2.
ИРРЕАЛЬНОСТЬ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
ЧАСТЬ 1.....	8
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	33
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	81
Глава 10	91
Глава 11	97
Глава 12	101
ЧАСТЬ 2.....	105
Глава 1	106
Глава 2	110
Глава 3	115
Глава 4	120
Глава 5	130

Глава 1	134
Глава 2	139
Глава 3	142

© 2013 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

«Себя он знает, другим верит – это противоречие распиливает все на части».

Франц Кафка.

С.А.

Зелинский

Безумие

Книга 2.

Ирреальность

Altaspera

CANADA

2013

С. А. Зелинский

Безумие. Книга 2. Ирреальность

С. А. Зелинский.

Безумие. Книга 2. Ирреальность. Роман.—

CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2013. — 279 с.

ISBN 9781304250773

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2013

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Книга 1: Мир сошел с ума?

Книга 2: Ирреальность.

Роман

БЕЗУМИЕ

КНИГА 2

Ирреальность

«Себя он знает, другим верит – это противоречие распиливает все на части».

Франц Кафка.

Часть 1

ГЛАВА 1

--Вы не находите, что тот продавец книг на углу – за нами следит?—мужчина смотрел на улицу слегка отогнув край портьеры. Его лицо выражало не то что спокойствие (которое наверняка показалось бы странным в такой ситуации), но оно и не слишком-то было напряжено. По крайней мере, мне настолько это показалось удивительным, что я забыл ответить ему на вопрос. Он спросил еще раз, и тогда я, желая скрыть оплошность, как мог показал «серьезную мыслительную работу» и подошедши к окну – выглянул наружу.

Это показалось моему собеседнику неосторожным с моей стороны – и он буквально втянул меня обратно.

--Тише Вы,-- еле слышно произнес он.

Посмотрев на него, я заметил, как у него чуть подрагивают уголки губ.

--Нет, нет, продавец книг за вами не следит,-- поспешил успокоить я его.

--Вы так думаете?,-- недоверчиво произнес он. Но я уже почувствовал, что ему очень хотелось мне верить. Видимо, то состояние, в котором он находился, приносило неудобство и ему самому. А может он был и не настолько сумасшедший, как то показалось мне поначалу.

Как бы то ни было, после недолгой борьбы с самим собой, Пьер наконец-то задернул портю, и задумчиво посмотрел на меня.

--Мой друг,-- попытался перехватить я инициативу.—Вас мучает мысль, что за вами кто-то следит. Я не буду вам пытаться доказать что это не так. Но позвольте вам продемонстрировать некую ошибочность ваших выводов на простом примере.

Не давая моему собеседнику опомниться, я резко открыл окно и махнул продавцу книг, который казалось только этого и ждал, потому что не прошло и минуты, как он уже стоял в моем кабинете на втором этаже трехэтажного старинного домика, где я снимал квартиру.

--Этот человек хотел бы купить у вас все книги оптом,-- кивнул я на Пьера, у которого тут же покраснели мочки ушей.— Как Вы на это смотрите?—посмотрел я на продавца книг, который не понимаяще переводил глаза с меня на Пьера.

--Вам понятен мой вопрос?—переспросил я, видя что у продавца книг какие-то затруднения с речью. Он вроде как и хотел что-то сказать, но это никак у него не выходило.

--Молодой человек,-- пристально посмотрел я на продавца книг,--я нашел вам покупателя, который хотел бы разом приобрести весь ваш товар,-- повторил я недавний вопрос, и всем своим видом показывал, что ответ мне нужен. И я его добьюсь.

--Желаете посмотреть каталог?—наконец продавец обрел дар говорить.

--Он у вас с собой?—ответил я за Пьера.

--Да... Ну или почти да,--смутился продавец.—Мне необходимо за ним спуститься вниз.

--Без проблем,--улыбнулся я.—Как только найдете каталог -- тотчас же поднимайтесь. У нас с Пьером есть для вас некоторые вопросы.

Всего через несколько минут мы с Пьером уже погрузились в выбор книг. Я рассчитывал, что Пьер приобретет все книги, которые были у продавца. Но оказалось что у Пьера с собой не так много денег. А занять у меня он наотрез отказался. Пришлось выбирать по каталогу. Но все равно – Пьер выбрал около полусотни книг. И еще столько же – выбрал я. Когда я вернулся из подсобки (куда относил книги) и уже собирался расплатиться, выяснилось, что за меня это сделал Пьер (хотя мне казалось, что у него действительно не хватает денег). Причем он ни в какую не хотел брать какие-то деньги от меня. В итоге я вновь стал его должником. Вновь – потому что, если честно, Пьер уже не раз выручал меня.

Несмотря на то, что уже лет десять как я имел частую практику и принимал пациентов (одним из которых с недавнего времени стал Пьер), особых капиталов я так и не нажил. Да и много ли можно заработать, работая врачом? Частным врачом. Хотя какие-то деньги мне, конечно, заработать удавалось. Вот разве что...

Все дело в том, что тот метод который я практиковал... Можно сказать, что до сих пор еще (несмотря на то что был уже 1934 год) находились открытые противники психоанализа. Несмотря на то, что уже почти четыре десятилетия как профессор Фрейд открыл его миру. Но... Вот в том то и дело, что до сих пор было это «но»...

После моей свадьбы с Софи и окончания еще одного университета (какого уже по счету, я чуть ли не сбился и сам), мы

какое-то время еще жили в Германии (где родился я, и куда увез свою невесту из ее родной Франции), но несколько лет назад переехали в Вену. Чем-то мне нравился этот город. Можно сказать, я влюбился в него сразу и бесповоротно. Софи, правда, какое-то время еще пробовала «сопротивляться» (она то,-- как раз хотела бы вернуться во Францию; ну или на крайний случай остаться в Германии), но мне удалось уговорить ее, и какое-то время я был уверен, что никаких вопросов у нее не возникнет.

Да так, в общем-то, и было. Можно сказать, что Софи представляла собой тот тип женщины, который понравился бы большинству мужчин. И я говорю даже не о внешних данных (хотя внешне она была очень и очень привлекательная: аппетитная фигурка, небольшой рост, худенькая, развитые формы, шатенка), а о чисто душевных качествах... Была она кроткая, и как оказалось (когда она была невестой это вроде как у нее и не проявлялось),-- в первую очередь была *ориентирована* на то, что скажет мужчина; даже с какой-то любовью (и поистине внутренней самоотдачей) исполняя *любое желание*. Притом что почти половину моих желаний она с легкостью угадывала. Иной раз вводя меня в легкое беспокойство способностью читать мысли. (Софи была прирожденным психологом). И вообще я могу сказать, что не ошибся в ней. Уже не раз убеждаясь в том, что когда-то принял правильное решение. (Познакомился я с ней почти случайно. Тогда я, Франц Монтестье, приехал со своим ныне покойным дедом Францем Монтестье (меня называли в честь его) к его старинному приятелю. А у него оказалась чудесная внучка. Которой-то и была Софи).

Город в который мы переехали с Софи – мне действительно нравился. Нравилась его изгибы улиц. Нравилась небольшие двух-трехэтажные) домики, которые располагались вдоль этих улиц; так что мы с Софи, бывало, устраивали целые прогулки, любуясь старинной архитектурой и наслаждаясь духом того спокойствия, что царил в этом городе.

Я могу сказать, что моей жене в итоге город тоже понравился. Как я уже говорил, ей все равно нравилось все, что нравилось мне. И быть может за это я любил ее еще больше. Хотя признаюсь, в Софи не было ничего, из-за чего ее можно было не любить. И чем больше мы жили вместе, тем больше я в нее влюблялся.

--Вы так считаете?—спросил я Пьера, который вероятно заметив, что я погрузился в свои мысли, задал мне вопрос, решив что я совсем его не слушаю. Но я его слушал. Слушал, размышляя при этом о чем-то своем. Такое случалось со мной не раз. Вначале моей практики я, помнится, очень опасался что-либо прослушать из рассказов своих пациентов. Но с годами понял, что проблемы у них у всех в общем-то схожие. Да и сам я с каждым моим пациентом становился опытнее. Так что уже мог себе позволить думать о чем-то своем, при этом, впрочем, научившись и не упускать рассказа очередного своего пациента.

Пьер не был моим пациентом. Вернее, еще недавно он вполне еще мог им не быть. Да и то, что я принимал его, была наша маленькая тайна. Пьер был двоюродным братом Софи. И

попросил меня, чтобы ни сестра, ни кто-то другой не узнали о том, что ему требуется моя помощь.

Пьер жил во Франции, в Париже. У него была своя продуктовая лавка (по-моему, и не одна); и его все считали достаточно успешным предпринимателем. Да так оно, наверное, и было. Но вот в последнее время Пьер стал замечать, что с ним начало происходить что-то странное. Ему казалось, словно он находился под чьим-то постоянным наблюдением. Причем кто были эти люди, Пьер сказать не мог. Да у него и врагов-то, как выяснилось, не было. А глядя на него, на его долговязую фигуру и слегка подрагивающий голос (вся его внешность никак не вязалось с родом его занятий), мне становилось понятным, что врагов у него не могло быть, как говорится, уже по самому факту существования такого человека. Пьер принадлежал к тому типу людей, которые бояться даже своей тени. И о том чтобы кому-то наругать, или даже возвысить голос?!.. Пьер не пережил бы даже одной мысли об этом.

И при этом почему-то был уверен, что у него было много врагов. И те, чуть ли не выслеживают его.

Зная, что я веду частную практику, Пьер под надуманным предлогом приехал в Вену, чтобы поговорить со мной. Софи очень обрадовалась приезду брата, и поначалу совсем не отпускала его от себя.

Это совсем не вязалось с планами этого человека. Каждый вечер, приходя домой (Пьер остановился у нас), я видел его напряженное лицо (Пьеру было около сорока, хотя выглядел он несколько старше), и мне каждый раз хотелось ему чем-то помочь, прежде чем он уедет обратно. (Нам он сказал, что приехал по

каким-то профессиональным вопросам). И Пьер, должно быть, так бы и уехал ничего мне не рассказав, если бы как-то случайно с ним не разговоришься, я не заметил, что у него в ближайшем будущем могут быть вполне серьезные проблемы с психикой.

--Уже. Уже мой добрый кузен,--произнес Пьер, и опустил глаза, видимо находясь в сомнениях относительно того, правильно ли, что он мне об этом рассказал.—Вы ведь тоже так считаете?—решился он на вопрос.

--Ну, так, или не совсем так...Для этого как минимум надо нам побольше поговорить наедине,--несколько уклончиво заметил я. (Во мне присутствовала эта странная черта. Я вроде как и хотел, бывало очень хотел что-то узнать от собеседника. А когда тот вроде как и раскрывался, мое лицо – словно уже само по себе, и уж точно независимо от меня – выражало такую отвлеченность, что приходилось делать над собой усилие, чтобы не обидеть собеседника).

В последующие несколько минут мы договорились, что Пьер останется еще на какое-то время (благо, что у него оказался компаньон, который любезно согласился пока поработать один), и пройдет у меня анализ.

(Софи в это время следила, чтобы подали именно тот ужин, который она заказывала. Она совсем недавно взяла новую кухарку,--девушка, надо признать, была с некоторыми странностями,--и уже несколько раз путала блюда, о которых ее просила моя супруга – с теми, которые *ей казалось*, что ее просили приготовить. Но Софи уверяла, что ничего похожего на те блюда, которые приносила кухарка, она никогда не заказывала.

А потом, видя, что ничего не меняется, и девушка по-прежнему путается в выборе блюд, Софи просто-напросто стала контролировать процесс приготовления пищи. Причем, могу заметить, что «контролерские» функции ей явно пришлись по душе. При этом Софи была против того, чтобы сменить кухарку. Уже позже я узнал, что примерно та же проблема была и с нашей горничной, которая на удивление делала иной раз совсем не то, что ей поручали. А помимо кухарки и горничной была еще прачка, которая на все то же мое удивление затягивала стирку белья. И уже несколько раз (не дождавшись в срок) Софи было собиралась сделать замечание, но видя изможденное лицо бедной женщины – отказывалась от своих намерений).

Пьер действительно остался (объяснив сестре, что у него возникли некоторые незавершенные дела, и на какое-то время он вынужден остаться; хотя Софи – я подозреваю – была так рада брату, что, кажется, и не расслышала толком причину, по которой он должен был задержаться; хотя, как я знал, Пьер долго продумывал, что же он должен был сказать, чтобы ему поверили), и в последующие две недели я с ним беседовал чуть ли не каждый день. Точнее, рассказывал мне большей частью все он. Я же его слушал, лишь время от времени делая какие-то уточняющие замечания.

--Я действительно вас слушаю,--в очередной раз я заверил Пьера, что внимательно его слушаю. Он мне поверил. А я впредь решил быть более собранным. Хотя раньше я уже давал зарок поменьше думать о чем-то своем на психотерапевтических сессиях. Ведь, большей частью, люди мне попадались с

выраженной патологией сознания. Психопаты и неврастеники. И их истерическая натура просто не могла выносить подозрений относительно того, что человек, которому они доверяют свою тайну – не слушает их. Притом что почти все без исключения они были уверены, что действительно рассказывают мне что-то настолько редкое, уникальное и исключительное, что я могу услышать только от них. И им совсем было неведомо то, что я только за этот день уже выслушал несколько похожих историй (со схожей симптоматикой душевного состояния авторов), поэтому на самом деле удивить меня чем-то было невозможно. Ну, или почти невозможно (я все же допускаю мысль, что появится какой-нибудь чудак, который поведаст о какой-то неведомой форме Dementia graecox; хотя, по большому счету, за явных шизофреников я не брался).

--Понимаете, Франц, мне на самом деле кажется, что за мной кто-то следит. Хотя когда я неожиданно оглядываюсь – вроде как и не замечаю ничего не обычного... Но только по началу. Потому мне удастся выделить из толпы своих «преследователей».

--Вы каждый раз видите одних и тех же, или они меняются?—поинтересовался я.

--В том то и дело, что меняются! Я, конечно, не могу сказать, что у меня такая уж фотографическая память. Но когда-то я увлекался живописью. И даже сейчас еще время от времени пишу картины.

--?

--Я хочу сказать, что лицо человека, которого видел хоть раз – отличу от другого. Даже если прошло несколько лет.

--А среди ваших «преследователей» встречаются и те, которых Вы видели несколько лет назад?

Пьер с некоторой тревогой посмотрел на меня.

--А откуда Вы знаете?—спросил он.

--Ну, мне просто показалось, что так вполне может быть.

Но это лишь на уровне предположения,--поспешил успокоить его я.

--Но я действительно вижу тех, кого видел, быть может, и очень давно,--стремился как будто оправдаться Пьер.

--Вы никогда с ними не заговариваете?—поинтересовался я.

--Нет, никогда,--решительно ответил Пьер.—Хотя...

Я внимательно посмотрел на него, ожидая, что же он скажет.

--Хотя, Вы знаете...--несколько нерешительно начал Пьер.—Один раз я попытался заговорить. Но ничего хорошего из этого не вышло.

--Он напал на Вас?—посмотрел я на Пьера.

--О, нет, нет,--улыбаясь запротестовал Пьер.—Тот человек признался мне, что думал то же самое и про меня.

Я с недоумением посмотрел на Пьера.

--Ну, он подумал, что это я за ним слежу,--слегка заикаясь (он всегда заикался, когда нервничал) произнес Пьер.

--Значит все разрешилось,--констатировал, было, я факт, как неожиданно Пьер признался, что даже когда как вроде бы все разрешилось, он несколько дней следил за тем человеком.

--Это наверное покажется странным,--смущенно пожимая плечами сказал Пьер,--но мне почему-то показалось что тот человек мне говорит неправду. И я решил проследить за ним.

--Вы хотели застать его с сообщниками?—переспросил я.

--Да. Хотя, нет. Точнее, я не знал, есть ли у него сообщники. Но мне отчего-то захотелось узнать немножечко больше о нем. Узнать, с кем он живет. Есть ли у него жена. Есть ли дети. Есть ли родители, братья, сестры... Есть ли любимая работа... Выяснить вообще побольше о нем.

--Вам в детстве хотелось быть шпионом?—спросил я.

--...Не помню,-- пожал плечами Пьер.

--Ну, Вы, по крайней мере, допускали мысль, что было бы неплохо им стать?

--Да нет,--с сомнением покачал головой Пьер.

--А хотелось, чтобы другие признавали Вашу власть?

--Власть?..—переспросил Пьер.

Я заметил, что в нем происходит настоящая борьба между желанием действительно мне рассказать о чем-то самом сокровенном, и тем, что его что-то удерживало, чтобы он начал свой рассказ. Однако я его не торопил. Я вообще предпочитал не торопить пациентов с рассказами о себе. Хотя, признаться, когда эти рассказы начинались, мне иной раз очень хотелось прервать чью-нибудь болтовню... Но я понимал, что так делать просто нельзя. Хотя, случалось, мне очень трудно было избавиться от подобного желания. И тогда словно против воли (чувствуя какой-то особый холодок в груди) я задавал своим клиентам несколько,

---

как будто бы и безобидных вопросов; но от которых те приходили в совершенное бешенство.

И как ни странно, выведя их подобным образом из себя, я добивался того, что мне было нужно. Потому как с нарушением их душевного равновесия исчезала и их внутренняя скованность. И я, таким образом, мог услышать от них настоящую правду. Что, полагаю, мне сделать бы не удалось, беседуя, я с ними как-то иначе. Ну, например, только выслушивая их. Да и, признаться, я никогда особо и не придерживался (так уж в полной мере) методики Фрейда. Я использовал ее. Отталкивался от нее. Но и спешил внести в нее какие-то (пусть и незначительные; в душе я все равно оставался фрейдистом) свои дополнения. И могу сказать, что ни разу еще не пожалел об этом. Потому что, случалось, мне действительно удавалось добиться существенных успехов. И пусть до полного излечения всех моих пациентов было далеко, но спешу заметить, что и процесс этот длительный. И даже несколькими годами здесь дело мало когда обходится.

--Ну, да, власть,--как можно дружелюбнее посмотрел я на него. Такой мой взгляд (как я знал) действовал как-то обескураживающее на собеседника. А меня избавлял от подозрений (все же иной раз случавшихся) моих пациентов, что я их не слушаю. На самом деле я, конечно же, слушал. Даже когда я немного подремывал (и такое случалось), мне все равно удавалось следить за ходом повествования иного разоткровенничавшегося пациента. И я могу действительно вас заверить, что слышал их

всех. Всех кто приходил ко мне за помощью. Потому что я стремился помочь каждому из них.

Правда, справедливости ради стоит заметить, что иногда кое у кого подозрения появлялись. Но через какое-то время я рассеивал все их сомнения. И я бы мог гордиться этим, если бы был чуть более заносчив, чем являлся на самом деле.

--Власти мне никогда не хотелось,--как-то «по особенному» посмотрев на меня, Пьер потянулся за сигарой, но в нерешительности замер, вероятно размышляя, как к этому отнесусь я.

Вообще-то, на психотерапевтических сессиях курить я позволял только себе. Да и то не всегда. Но потом – видимо не выдерживая длительное время без сигарет и сам (а я выкурил по полторы-две пачки за день) – я стал вполне лояльно относиться к тому, если кто-то решал закурить. А почему бы и нет? Курение, на мой взгляд, способно было (в той обстановке в которой мы находились) настроить на нужную волну. Да и хотя бы частично отвлечься от потусторонних мыслей, которые одолевали того или иного из моих пациентов. Хотя, если разобраться, я и сам, иной раз мучился, стремясь изгнать из себя какую-то уж слишком навязчивую «идею».

В большинстве случаев мне это удавалось. Что, по всей видимости, нельзя было сказать о моих пациентах.

--Расскажите мне еще о том, что вас мучает,--попросил я Пьера.

Он словно ждал этого вопроса. Потому как ту же увлеченно стал мне о чем-то рассказывать. О чем? Признаться, я так и не понял. Да у меня уже и времени не было. Потому как почти одновременно со словами Пьера – дверь в мой кабинет стала содрогаться под градом многочисленных ударов. Не успел я подумать, чтобы это значило (шум был такой, как будто к нам ломилась рота солдат), как сидящий напротив меня Пьер резко отскочил от двери, и как раз вовремя, потому что дверь буквально рассыпалась под градом ударов, и в комнату ввалилась и на самом деле чуть ли не рота солдат. Ну, человек десять было точно.

--Что вам угодно, господа?—устало повернулся к ним я, делая вид, что несколько не удивлен подобным вторжением. Словно такое случалось по несколько раз на день.

--Я лейтенант Карл Меер,--представился рослый «солдат», на мундире которого я разглядел офицерские погоны.—У меня ордер на арест скрывающегося здесь Алана Грифита. Американского шпиона.

--Но здесь нет никакого Грифита,--недоуменно произнес я. Воцарилась минутная пауза, во время которой каждый вероятно размышлял о ходе своих дальнейших действий.

--Разрешите Ваши документы,--внимательно (как бы «изучающее») посмотрел на нас офицер.

--Я подданный Франции,--выступил вперед Пьер.

--У Вас есть разрешение на пребывание в нашей стране?—быстро спросил офицер.

--Позвольте, уважаемый,--приподнялся было я, но тут же около меня оказалось несколько солдат, готовых вероятно броситься на меня, если бы не предупредительный жест офицера.

--Ваши документы мне необходимы тоже,--посмотрел на меня офицер.

После того как мы с Пьером предъявили наши паспорта, офицер долго изучал их, видимо про себя чему-то удивляясь, после чего, козырнув, крутанулся на месте, и ушел. Его команда последовала за ним.

--Я и не думал, что в Австрии такие порядки?— недоуменно посмотрел на меня Пьер.—По всему было видно, что он здорово напуган.

Но на этом, как оказалось, неприятности не закончились. Потому что еще не стихли шаги солдат спускавшихся с длинной винтовой лестницы, как к нам в комнату заглянула хозяйка, и пристально всматриваясь в лицо каждого из нас, полюбопытствовала, за чем приходил «герр офицер» с солдатами.

--Чтобы нас арестовать,--пошутил я.

--Тогда я попрошу вас молодые люди съехать с моих комнат,--еле сдерживаясь от негодования, произнесла хозяйка.

--Но ведь у нас не закончилась аренда?—произнес было я, но заметив пытающее гневом лицо квартирной хозяйки, поспешил успокоить ее. «Успокоение» стоило десять шиллингов.

--Это за ваше беспокойство,--поспешил я сунуть деньги в руки обескураженной хозяйки. Хотя по всему было видно, что она приходила именно за этим. В месяц она имела с нас довольно приличные деньги. И терять таких клиентов вряд ли собиралась.— Могу вас уверить, что впредь ничего подобного не повториться,-- улыбнулся я.—В любом случае, мы будем вас предупреждать заранее.

Заметив, что хозяйка не уходит, я любопытствовал, что же она хочет еще?

Оказалось, она хотела нам поднять квартирную плату. Долго не решалась, но вот сейчас как будто наступил такой повод.

--В таком случае – мы завтра же уезжаем,-- жестко произнес я.—А сейчас выйдете вон, и до нашего отъезда прошу нас больше не беспокоить.

--Ну, что вы, что вы,-- сменила гнев на милость пожилая женщина.—Я только хотела сказать, что цены растут быстрее вашей оплаты. И скоро тех денег, которые вы платите, будет хватать только на то, чтобы купить кварту пива моему мужу. (Она лукавила. Во-первых, было известно, что ее муж пиво не пьет (печень); а во-вторых, как уже заметил – платил я ей достаточно много. Уже сняв квартиру у нее, я узнал, что почти за такие же деньги мог снять две квартиры на соседней улице. Сейчас я и подумал переехать туда. Ну, или подыскать себе еще какое жилье. Благо, что впереди был у меня почти день; а за день я бы жилье себе нашел. В чем поспешил уверить хозяйку).

--Вы извините меня,-- произнесла женщина.—Я совсем не то хотела сказать. Как жильцы – вы мне очень нравитесь. И я готова даже снизить вам вашу квартплату. Тем более что мне и самой кажется, что вы платите слишком много.

--Мы вам будем платить столько же сколько платили,-- произнес я.—А вы,-- если это только будет возможно,-- обязуйтесь никогда не вторгаться в мой кабинет. И если вам будет нетрудно – прошу извещать о любых посетителях ко мне – заранее. И по возможности отвечать им, что меня нет дома (если я вас не предупредил предварительно о другом). Договорились?

--Договорились,--быстро произнесла хозяйка (теперь она говорила намного ласковее, чем доселе), и поспешила удалиться.

--Вот так вот, Пьер,--повернулся я к моему недавнему собеседнику.—Как видите – и такое бывает.

--Да уж,--тяжело вздохнул Пьер.—У нас во Франции подобного никто бы не допустил.

--Полиция,--вздохнул я.—Могло быть еще хуже.

--Хуже?—недоуменно посмотрел на меня Пьер.

--Ну да!? Нас, например, могли сопроводить в полицейский участок,--ответил я.—Или---

--Или?—перебил меня Пьер.

--Ну, или бы пристрелить на месте.

--На месте?—все еще отказывался мне верить (вернее, отказывалось его сознание) Пьер.

--Да шучу я, мой друг,--поспешил я успокоить «кузена».

--Ну, слава богу,--облегченно выдохнул Пьер.

--Да не волнуйтесь вы так,--произнес я.—Я думаю – все образуется... Ну, я имею в виду ваше состояние,--добавил я.

--Спасибо,--произнес Пьер...

ГЛАВА 2

В последующие два дня Пьер усиленно избегал какого-то общения со мной «по душам». И при этом совсем нельзя было сказать, что он стал спокойнее, чем был прежде. Даже наоборот. Я даже заметил в нем какую-то повышенную нервозность. И по всему было видно, что долго он не выдержит. Наконец я решился, и сказал ему, что если и дальше он будет все «носить в себе», его на долго не хватит.

На удивление, это оказало свое воздействие, и почти неделю Пьер регулярно (каждый день) беседовал со мной. За эту неделю мне удалось установить с ним тот самый «контакт», о котором мог только мечтать любой врач. Но радоваться было преждевременно. Потому как даже несмотря на то, что Пьер был -- как мне казалось -- необычайно откровенен со мной, даже несмотря на это, я бессознательно стал ожидать начала какой-то беды. Катастрофы. Хотя конечно, спроси меня кто, выразить словами, в чем она могла заключаться,--я не смог бы.

Но, тем не менее, я стал внутренне готовиться к самому худшему.

И вскоре опасения мои оправдались. А толчком к этому послужила какая-то (как мне показалось, совсем уж безобидная, и, по сути, я даже не обратил на нее особого внимания) реплика одного из моих приятелей (общение с которым, признаться, мне давно уже было в тягость), когда он, перелистывая один из медицинских учебников из тех, что постоянно находились у меня дома, заметил, что одно из описаний симптомов – на его взгляд -- вполне может подойти многим.

--Например, Пьеру,-- заметил он.

Пьер в это время как раз входил в мой кабинет, и так получилось, что он услышал даже не конец фразы, а всю ее целиком.

Я тут же что-то сказал, чтобы девальвировать смысл фразы, но по вспыхнувшему лицу кузена моей жены стало ясно, что он все понял.

На следующий день Пьер сообщил нам с Софи, что и так, мол, слишком надолго задержался в Вене, а потому срочно уезжает в Париж.

--Сейчас и немедленно,-- решительно произнес он, желая, вероятно, избежать ненужных объяснений. А потому тотчас же собрав вещи (и даже не согласившись, чтобы мы его проводили), Пьер уехал на вокзал.

После этого несколько дней я чувствовал вину за случившееся. Считая в этом виновником только себя.

Кстати, так считала и Софи. Хотя мне все же кажется, она не поняла -- ни почему Пьер вообще задержался в Вене, ни почему так быстро уехал, если только недавно заявлял (припомнила она), что собирается еще остаться минимум на неделю.

Ну, уехал и уехал. Стоило ли вообще переживать по этому поводу? Но вот как ни странно, все произошедшее отложилось во мне каким-то не очень приятным осадком. И, признаться, я готов был чуть ли не пуститься за ним вдогонку. Чтобы уговорить остаться еще хотя бы на неделю (далась мне эта неделя).

Но такого я не сделал. А уже через несколько дней я получил письмо, в котором Пьер объяснял свой поспешный отъезд действительно срочными делами, возникшими в результате его долгого отсутствия.

«Мне не в чем вас упрекнуть, Франц,--писал он.—Но ситуация которая сложилась в моем родном городе (Пьер, как я знал, родился и вырос в Париже) просто вынуждает меня к тому, чтобы я был здесь. Мне приходится иной раз сожалеть,--писал он, - что обстоятельства бывают сильнее нас. Но ведь так происходит не всегда. Но вот как раз сейчас,--отмечал Пьер,-- видимо настала как раз такая ситуация. Именно такая. И поэтому я просто обязан находится сейчас в Париже. И видимо пробыть в нем достаточно долго. А быть может и вообще больше никогда не покидать этот город. Много работы. Да и проблемы мои (благодаря вам, только вам, доктор) уже не кажутся мне таковыми. Я верю, что все совсем не так, как мне кто-то хочет это представить... да и сам я, признаться, большей частью (как оказалось) не совсем верно истолковывал свое состояние. И там где можно было пройти мимо – я видел уже начало какой-то патологии. Патологии, которой не было. Также как и не было всей той подозрительности, которой я страдал, и от которой -- как мне кажется -- уже и не избавлюсь никогда.

--И вот знаете что еще, Франц?—вопросил Пьер.-- Я решил «завязать» с бизнесом. Мне кажется, что это из-за него у меня ухудшается состояние. Потому что все нервы. А пока я буду заниматься тем, чем занимаюсь сейчас... В общем, боюсь что мне может стать еще хуже. Хотя,--если честно,-- у меня есть серьезные опасения по поводу того, что на другой работе будет

как-то иначе. Но я обязан хотя бы попробовать. Хотя бы из-за того, чтобы после не винить себя. Не винить себя в том, что «не воспользовался шансом». Ведь это «шанс», неправда ли, Франц? Самый настоящий шанс. И то, что судьба предоставляет его мне (а то, что я сейчас думаю об этом – как бы говорит само за себя; и как раз в пользу того, что судьба мне предоставляет этот шанс), и если это действительно так – то почему бы мне им и не воспользоваться? Хотя бы для того, чтобы, как я уже заметил, потом себя же не корить.

--Скажите, Франц, ведь вы тоже так считаете?—спрашивал Пьер.-- Мне так было приятно – когда вы были солидарны со мной. И мне хочется верить, что так было намного чаще, чем тогда, когда вы были недовольны (и даже, быть может, огорчены) мной. Да я и уважал всегда вас, Франц. А теперь, когда не вижу вас, то понимаю, как вы для меня дороги. Как оказалось, я необычайно привязался к вам. И мне теперь очень не хватает общения с вами. Как вы смотрите на то, Франц, чтобы вам выбраться на недельку в Париж? Отдохнули бы. Уверяю вас, что мне совсем не нужна сейчас ваша помощь. Ну, разве что, быть может, не хватает того общения, что было между нами. Так как мы разговаривали с вами, здесь мне поговорить уже не с кем. Люди ведь, большей частью, «закрыты». Прячут свои тайны в себе. И совсем никто из них не предрасположен к тому, чтобы раскрываться перед другим. А ведь я,-- как выяснил благодаря вам,-- совсем другой человек. И мне как раз очень не хватает общения. Но не абы какого общения. А общения с таким необычайно умным и приветливым собеседником, каким являетесь вы, мой добрый Франц.

Мне действительно вас не хватает. Подумайте о моем предложении. Я вас не неволю с ответом. Напишите когда сможете.

Не сердитесь. Передавайте привет моей сестре Софи, искренне Ваш – Пьер Жульен
22 марта 1934 года».

Признаться, получив столь сумбурное письмо, я понял, что действительно стоило бы поехать. Но не потому что мне это было действительно необходимо (как пробовал намекать Пьер), а именно потому, что состояние моего кузена, по всей видимости, «оставляло желать лучшего».

Но вот как бы я это мог объяснить своим пациентам, количество которых к тому времени (совпало как раз с отъездом Пьера) возросло почти втрое. Мог ли я прерывать свою практику (и помощь нескольким людям) ради блага одного? В иной ситуации (то есть раньше), я, быть может, и не задумывался бы над этим вопросом, а сразу поспешил бы на помощь; но вот сейчас мне делать этого не хотелось. И не потому, что я не верил Пьеру (а, признаться, у меня ведь были все основания ему не верить); просто еще больше чем перед Пьером, мне было неудобно перед людьми, доверившимися мне.

Но как бы то ни было, еще несколько дней (после получения письма) я пребывал в серьезных раздумьях, прежде чем решил «не ехать». А решив так – уже не мог избавиться от навязчивого желания собирать чемоданы в дорогу.

Идея пришла сама собой. Я (предварительно «настроив») отправил в Париж Софи. Вот это была действительно «находка».

И сам я мог какое-то время отдохнуть в тишине (несмотря на то что Софи я очень любил, мне иногда хотелось самого настоящего одиночества), и она – как мне казалось – могла бы скрасить одиночество своего брата. Хотя бы на время. Тем более Софи должна была поехать и к своим родителям. Причем я настоял (уговаривать долго ее не пришлось) чтобы она взяла с собой Пьера. (На самом деле Пьер не согласился). Ну а мне, хоть на время, можно было вздохнуть посвободней. А это, согласитесь,-- уже радость. Да и вообще, если разобраться, я должен был подумать и о себе. Все эти пациенты, могу вам сказать, ничего хорошего (кроме денег) не приносили. И какие бы доверительные между нами не были отношения, на психику мою они воздействовали очень сильно. Иной раз у меня у самого грозили начаться все те патологические изменения сознания, которыми страдало большинство из моих пациентов. Ведь были они сплошь полушизофреники да психопаты. Женщины – истерички. Мужчины – психопаты и неврастеники. И живя в таком мире – трудно уберечься от того, чтобы не сойти с ума самому. Иной раз мне казалось, что я действительно схожу с ума. Что меня тогда удерживало от того, чтобы не свихнуться на самом деле?.. Трудно сказать... Нет, конечно, можно было что-то сказать про мою крепкую и устойчивую психику. Но говорить так – значит обманывать самого себя. Можно было сказать, что я не принимаю близко к сердцу все те истории, которые мне рассказывают другие... Так, говорить так -- тоже было бы нельзя. И что же тогда остается? А ровным счетом как вроде бы и нечего. А значит, можно было или страдать, или постепенно (медленно и неотвратимо) сходить с ума. И вот это уже было самое печальное.

Самое печальное из того, что могло возникнуть. Но я держался. А что на самом деле помогало мне держаться? Вопрос без ответа. В который уж раз я задал себе вопросы, на которые ответов как вроде бы и не существовало. Но что было поделать. Это ведь тоже была жизнь. И какая бы печальная она не была – это была правда. Самая настоящая правда. Так что же мне делать дальше? А вроде как и нечего. Кроме как просто жить. Вот я и жил. Продолжал жить. Жил и надеялся, что когда-нибудь все изменится. Правда, что со временем произойдет – я не знал. Но принципиально ли это важно? Особенно когда ты большей частью не живешь, а выживаешь. И любой день для тебя может быть последним.

ГЛАВА 3

Мне захотелось поехать во Францию. Причем, не именно к Пьеру. Вернее, я не думаю, что именно он был причиной моего желания. Хотя, с другой стороны, – ну зачем мне было так поспешно срываться (что я и сделал), с женой (она поехала со мной), да еще в то время когда у меня наметилось несколько достаточно состоятельных пациентов?

Но ничего не поделаешь. В один из дней мы собрали наш нехитрый багаж, и через какое-то (показавшееся нам совсем незначительным) время мы уже входили в парижскую квартиру Пьера.

Он жил один. Я, помнится, как-то порывался спросить об его жене (я знал что он когда-то был женат), но все оставлял этот вопрос на потом, а теперь как вроде бы и спрашивать было неудобно. Тем более мне было известно, что вышла там не очень приятная история. Со своей супругой (дочерью местного землевладельца) Пьеру не повезло. Почти сразу после свадьбы оказалось, что женщина тяжело больна. И как ее болезнь удавалось скрывать до свадьбы -- для меня так и стала загадкой? (Притом, что у нее, кажется, была какая-то жуткая форма психического расстройства).

Видимо теперь она была или в клинике, или... Вот про это «или» я и намеревался спросить при случае. А пока... Пока у Пьеры в глазах было столько веселья и щенячий радости, что омрачать чем-то его по детски наивное лицо мне не хотелось. Да и нашлось мне по-крайней мере, чем заняться. Я уже говорил, что в

письме Пьер утверждал, что как вроде бы ему стало несравненно лучше, и что якобы никакие навязчивые состояния его уже не преследуют. На деле же мне пришлось убедиться в обратном. Всего через день после нашего приезда он уже походил на измученного жизнью старика. Причем, как я помнил, был он меня не настолько и старше. А потому, не медля ни секунды, я предложил Пьеру возобновить наши сеансы.

А он как вроде бы только этого и ждал.

--Вы знаете,--как-то честно признался он.—Когда я вернулся, то мне стало не лучше а как раз намного хуже. Я вам писал об улучшении моего состояния. Я вам лгал. Вы уж извините меня. Мне почему-то показалось, что если я напишу вам, что мое состояние улучшилось, то оно действительно улучшится. Но этого не произошло. А по всему выходит, что и наоборот. Я стал ощущать в себе какие-то новые ощущения, о наличии которых ранее в себе даже и не подозревал.

--?

--Ну, понимаете... Мне вдруг стало казаться, что я в какой-то своей прошлой жизни был чем-то навроде миссионера-проповедника. Мне вдруг захотелось ехать в какие-то страны, те которые еще не коснулась цивилизация, и... проповедовать.

--Вы относитесь к католической конфессии?—как можно спокойнее произнес я, уточняя, и показывая что внимательно его слушаю и ничему не удивляюсь.

--Да в том то и дело?!

--?

--Мне кажется, что во мне живет какая-то новая религия,--
ответил Пьер.

--И давно вы стали в себе это ощущать?—поинтересовался я.

--Ну я же говорю вам, что как только приехал,--
внимательно посмотрел она на меня.

--Наверняка еще в поезде вы что-то такое почувствовали,--
предположил я.

--Ну да,--удивленно посмотрел на меня Пьер.—Правду
сказать, я действительно это почувствовал будучи еще в дороге.
Чуть ли не только как отъехал от вас.

--А в поезде – вы писали -- ехал священник.

--Да нет, нет,-- протестующе замахал руками Пьер.—Если
вы это имеете в виду...

--Ну что Вы,--успокоил я его.—Я просто уточняю для себя
некоторые детали.

--Ну, тогда да. Я ехал в одном купе со священником,--
признался Пьер.

--И ваши разговоры были о религии.

--Ну не совсем... Хотя о религии тоже.

--И этот священник, конечно же, не убеждал вас верить в
Бога (потому как вы вероятно сказали ему что не верите), и не
предлагал вам купить у него никакую литературу. И вообще---

--Вы правы!—остановил он меня.—Пастор задал мне
какой-то вопрос (по моему, он как раз касался церковной темы), и--
--

--И видимо выяснил, что вы сейчас находитесь в таком
состоянии, что вас можно---

--Да нет, что Вы,--перебил Пьер.—Я не думаю что он такой прохиндей.

--Ну почему же сразу прохиндей?! Вполне возможно, что он как раз такой же благоразумный человек каким и поспешил предстать в ваших глазах. Просто, скажу я вам, что уезжая от нас вы находились в таком состоянии, когда могли оказаться жертвой любой навязчивой идеи. И если бы вам повстречался не священник, а, скажем, астроном, – то наверняка вы бы сейчас оказались приверженцем учения о планетах.

--По вашей логике если бы на месте священника оказался маг – чародей, то я бы стал верить в магию,--недоверчиво буркнул Пьер.

--Да. В том то и дело что да,--ответил я.—И я мог бы вам это с легкостью доказать, но боюсь что этого совсем не нужно.

--Ну, наверное,--задумчиво произнес Пьер.

--И видимо подсознательно вы сами почувствовали, что попали в беду. Я прочел это в вашем письме. В нем прямо таки угадывалось просьба о помощи,-- постаравшись казаться как можно дружелюбным, посмотрел я на Пьера.

--Ну, может быть,--нехотя признался он.—Вы может и вправду как всегда правы. (Видно было, что ему не очень приятно говорить эти слова).

--Не переживайте,--поспешил успокоить его я.—Ведь, можно сказать, что я специально приехал, чтобы вам помочь.

--И вы действительно мне поможете?—не веря, поинтересовался Пьер.

--Ну а почему и нет?—как можно равнодушнее сказал я (мне нужно было всячески продемонстрировать Пьеру, что

проблемы тут нет никакой, и я действительно с легкостью справлюсь с его проблемой. Хотя на самом деле все было совсем иначе. Но не говорить же ему об этом?!).

--Тогда, должно быть, нам следует как можно быстрее возобновить наши сеансы,-- спросил Пьер.

--А я о том и говорю,--ответил я.—Как я понял, у вас сейчас нет особого стеснения во времени.

Он утвердительно кивнул головой.

--Тогда если не возражаете, мы должны найти какое-то занятие Софи, и можем сразу же приступить,-- ответил я.

На том мы и порешили. А на следующий день мы с Пьером проводили Софи, которая наконец-то поехала в гости к родителям. От Парижа это было недалеко. Но как минимум неделя у меня в запасе была. Срок более чем небольшой. Вероятно, по отношению к Пьеру требовался курс настоящего психоаналитического лечения. Но мы были ограничены сроками. (Пьер по-прежнему не хотел, чтобы у окружающих даже появилось сомнение о его болезни). А потому решили приступить чуть ли не тотчас же...

ГЛАВА 4

Прежде чем мне начать рассказывать о том, что я услышал от Пьера, я должен хоть немного вести в курс читателя по поводу того места, куда поехала Софи.

Нет, конечно же, известно, что она поехала к своим родителям. Но так получилось, что уже после того как она уехала, Пьер признался, что получил от своей матери письмо, где она вскользь упоминала что с ее братом Рене (отцом Софи) в последнее время стали происходить какие-то странные события. Подробностей она не сообщала (да и по всему было заметно, что не знала сама). Но создавалось впечатление, что у Рене, как говорится, «поехала крыша». То его замечают в кругу девиц легкого поведения, в кафе; причем Рене отчего-то восседает на столе, абсолютно голый, и при этом декларирует какие-то стихотворения. То его доставляют в полицейский участок, за то что он внезапно набросился на какого-то прохожего, уверяя что тот «чистой воды дьявол». Потом... В общем я понял что с Рене действительно творилось что-то странное. И по всему так выходило, что это именно мне надо было ехать к нему. Но как-то я уже, помнится, съездил в их городок. И воспоминания о нем у меня были не самые приятные. При этом, и с Пьером дела шли не очень хорошо. И я решил, что если *помогу* хоть одному из этой все больше становившейся для меня загадочной семейки, уже будет хоть что-то. Ну а потом, что касается Рене, то более-менее реальную картину я надеялся услышать от Софи. И если все было так действительно плохо, то решил, что смогу себя убедить съездить к родителям Софи. Хотя это будет и позже.

А пока, получается, я как мог оттягивал этот момент. (Да и за все 10 лет жизни с Софи ее родителей я так больше и не посетил. Мне, как я уже говорил, вполне хватило того первого раза).

.....
.....

--Ты считаешь, что они действительно тобой интересуются,--спросил я у Пьера на следующий день, когда он все же решился поведать мне что с ним происходит. (Почти уже было решившись, он вдруг стал раскаиваться в том что вызвал меня, и по его словам внезапно осознал, что с ним на самом деле ничего не происходит, а ему все это показалось. И уже чуть ли и никакого желания стать миссионером у него не было; и, получается, и в поезде ни с каким священником он не ехал. И если бы я не прервал его, то оказалось бы, что он вообще ни на каком поезде не ехал, и вообще никуда не уезжал из Парижа, да и может быть и меня видел, чуть ли не в первый раз. Прошло всего несколько минут, и он уже благодарил меня и умолял о помощи. Видите, мол, доктор, что со мной происходит!?).

--Точно не знаю,--задумчиво произнес Пьер. (Мне наконец-то удалось настроить его на соответствующий лад).

Я его не торопил. В таких делах спешка совсем не нужна. Да и вообще я был сторонник задавать не очень много наводящих вопросов. Пациенту нужно дать время выговориться. А уж если он замолкал (и это было не обдумывание ответа), или его рассказ

брал совсем неестественный крен в сторону,--только тогда я вмешивался. Причем, делал это все же неохотно.

--...Даже не знаю...--произнес Пьер через время.—Иногда я понимаю, что ситуация становится странной. И когда тебе все время кажется, что за тобой кто-то следит... Ну, это и для меня выглядит подозрительно. Но уже быть может потому я и обратился к вам?

Я кивнул.

Вновь образовалась пауза. В тот раз Пьер больше не произнес ни слова.

Несколько дней мне казалось, что он вообще избегает разговора со мной о себе. Он старался быть веселым. Показывал мне Париж (который я наверное знал не хуже его. Потому что он – несмотря на то, что там вырос – его почти совершенно не знал). Мы вместе с ним искали какую-то работу (что больше напоминало нанесение визитов некоторым его знакомым, которые вероятно в представлении его могли ему помочь найти какое-то место чиновника – он отчего-то решил, что хочет быть чиновником). Иногда просто – почти бесцельно (по-крайней мере, я никакой цели не угадывал) бродили по городу. Но потом оказалось, что прошло несколько дней, и вполне возможно, что в скором времени должна была возвратиться Софи. А значит, мне пришлось нам с ней пришлось бы уезжать. Или домой, в Вену; или к ее родителям (что мне очень не хотелось и уже чуть ли не удалось убедить себя, что мой тесть пошел на поправку).

Видимо, возможность моего отъезда оказало на Пьера какое-то воздействие. А потому в следующие два дня мы с Пьером разговаривали несколько раз. (Этакие сдвоенные сессии).

Я выяснил, что он действительно что-то боится. Причем, по всему выходило, что причиной его страха были какие-то люди. Но на все мои просьбы вспомнить, происходили ли вообще когда-нибудь у него хоть с кем—то конфликты (должна же быть причина страха? Какие-то люди должны же быть?), Пьер убежденно качал головой, уверяя, что вообще мало с кем общался. Да я и сам знал, что по натуре Пьер такой, что даже если бы и намечался какой конфликт, он первый бы извинился, заранее признав поражение.

И все же у меня остались какие-то сомнения по поводу того что он мне говорит. А все дело в том, что с недавних пор мне стало вообще казаться что Пьер... Ну как бы это сказать?.. Что он не совсем тот за кого он себя выдает. То есть с одной стороны он, конечно же, был (как вроде бы) Пьером, двоюродным братом моей жены Софи.

Но так уж выходило, что у меня не было уверенности, что и Софи являлась той, кем как будто бы – я знал – что она была. Мы, конечно, знали друг друга много лет (только десять лет мы были женаты); да и женился я именно на той девушке, с которой встречался до свадьбы, и которую любил, но... но в последнее время мне стало казаться, что ее как будто подменили. И... получается... не только ее, но и ее брата. Причем если уезжал я в Париж еще как вроде со своей женой; и даже приехали мы к тому самому человеку, который ранее приезжал к нам в Австрию,

---

представившись братом Софи, и даже отправляли мы с ним (к ее родителям) еще как вроде бы мою жену... то теперь мне стало казаться, что я попал совсем в какое-то чужое место; и люди которые меня окружали, были совсем даже чужие. Не знакомые мне. И в женщине, которая должна была вернуться... Я отчего-то был уверен, что это уже будет не моя жена...

...Почему?.. Как психоаналитик я должен был разобраться в причинах подобного (и само собой найти этому какое-то объяснение).

Но более-менее внятных ответов у меня не находилось. Более того, я посчитал, что должен вообще как можно быстрее оставить этого человека (человека называвшего себя кузеном моей жены, Пьером), и уж ни в коем случае не встречаться и с самой женой.

Ну не жена она мне была вовсе! И этот холеный мужлан (почему он раньше мне казался пайнкой?) мне совершенно безразличен. И я вообще не понимаю, что им всем от меня надо?!..

В общем, постаравшись, как только это было возможным «усыпить бдительность» Пьера, я сбежал. Как мне казалось, «сбежал» я в Вену (где собственно, как полагал, и жил). Но город где я на самом деле оказался, как раз меньше всего мне Вену и напоминал. То есть я могу сказать что это совсем была не Вена. Это был какой-то совершенно чужой для меня город. Город, который я совсем не знал. И видимо никогда раньше в нем не был. Но ведь так не могло быть?! У меня на руках был железнодорожный билет, с назначением именно в Вене! Да и еще

находясь в поезде, все разговоры (которые почему-то в большей, чем обычно степени раздавались вокруг меня) свидетельствовали именно о том, что основная часть пассажиров как раз и была жителями Вены. Ну, уж Австро-Венгерской империи, по крайней мере. И ничего, чтобы говорило о другом, мне не привиделось. Если, конечно, мне вообще это все не привиделось. Но такую возможность я исключал. И тогда у меня было единственное объяснение, которое пришло ко мне совершенно случайно, и, получается, в минуты какого-то необъяснимого просветления. А получалось, что у меня начались какие-то проблемы с сознанием. Причем, оказался способен я это даже не осознать (не осознать до конца), а скорее почувствовать. Интуитивно догадаться.

А потом вновь наступило какое-то жуткое помрачение сознания. В результате которого я понимал, что когда-то меня «отпускало» (и тогда я делал более-менее явные выводы о том, что же со мной происходит). Но большую часть времени я пребывал в жутком неведении относительно вообще всего. В том числе и относительно своего будущего (будущее – которое я как-то разом перестал представлять). И теперь я словно бы стал находиться в каком-то мире, в который, помнится, раньше всегда хотел попасть. Особенно когда получал магистерский диплом. Да и потом, когда стал принимать пациентов, и они мне рассказывали свои истории. И так выходило, что сейчас я с легкостью могу восстановить каждую деталь этих историй. Моя память не только ничего не забыла, но уже и наоборот – казалась, вспомнила и нечто, утерянное мною раньше. И вот с этим-то ничего нельзя было поделать. Я рвался, и кто-то заботливо возвращал меня обратно. Вернее, это только по началу казалось «заботливо»; на

самом деле меня видимо зашвыривали в конуру, бывало, связывали, или надевали смирительную рубашку. И совсем ничто мне не говорило каком-то благоприятном исходе. Уж слишком таился я. Уж слишком приходилось мне ощущать свою какую-то странную *потусторонность*. Бывали моменты, когда я начинал парить над землей. Но чем выше я взмывал – тем больше мне становилось понятно, что я, собственно, «лечу» куда-то не туда. Тем более, если я на самом деле «летел»... Тогда как больше, по всей видимостью, это было какое-то неведомое парение. При том, что мне совсем как будто не хотелось и возвращаться.

Но вот Пьер? Мне стало невероятно жалко Пьера. Еще больше мне стало обидно за мою жену. По всему выходило, что я оказывался самым натуральным мерзавцем, который возомнил невесть что (что-то там привиделось). И оттого сбежал.

Не знаю. Несмотря на то, что мысли уносили меня, мне случалось и возвращаться. И это было самое мучительное, что только могло случится. Потому что в такие минуты я испытывал самое настоящее раскаяние. И как-то так выходило, что и вовсе вся моя жизнь состояла из цепи каких-то странных историй. И притом – большей частью выдуманных!?

Как мне было пережить это?

Но иногда все как-то быстро возвращалось на круги своя. И тогда я вновь «понимал», что должен куда-то бежать. Потому что никого из тех, с кем мне довелось общаться за этот период времени – видеть я не мог. Не хотел. Я быть может даже боялся их

видеть. И при этом... Вряд ли была достаточная причина, чтобы это действительно оказывалось так. Ну, от них наверняка это не зависело. Но если получалось, что «виновником» как бы оказывался я сам? Нет. Пожалуй, мне так думать тоже не хотелось. Сознание то возвращалось ко мне (и тогда наступали минуты раскаяния), то вновь меня оставляло. И я действительно не знаю, что же оказывалось для меня более желанно? Быть может, самым оптимальным было бы ощущение пустоты. Но... Но это скорей всего было и вовсе неподвластно мне. И чем больше я начинал желать этого – тем больше мне уже хотелось скрыться и от этого. Но как можно скрыться от того, что, в общем-то, никогда не наступало? Вот ведь загадка?

ГЛАВА 5

И все же я понимал, что мне срочно требовалось привести все хоть к какому-то знаменателю.

Ну, предположим, я начинал медленно сходить с ума. Это я допускал. Далее следовало, что почти точно так же помешались и все вокруг. И вот это уже как-то не укладывалось в моей голове. Ведь так не могло быть? Должен быть сумасшедший кто-то один: или я или общество. Иначе девальвировалась сама сущность сумасшествия.

А потому я все по новой и по новой пытался разобраться, что же все таки происходит. Мне нужно было найти – нет, уже не причину – мне нужно было найти, кто из нас *более сумасшедший*. Если я – то тогда получалось что общество здорово. Потому что, какое в таком случае доверие у меня могло быть к самому себе? Если же общество – то тоже были свои вопросы. Потому что не могли разом сходить с ума все. И даже не все. В том-то и дело что не все. А получается именно те, кого я знал. А это уже было более чем подозрительно.

Я уже говорил, что подобный анализ (ну быть может – попытка анализа) у меня получался только тогда, когда я чувствовал себя относительно легче. Патология (а уже не было сомнений, что моя психика была патологична) к сожалению, проявляла себя таким образом, что в периоды обострения я не только был не в состоянии о чем-то думать, но и стремился поскорее свести на «нет» любые размышления. Уж очень больно мне становилось в таких случаях. Мозг переполнялся таким

объемом информации, что если раньше я бы этого и не заметил, то теперь как будто наоборот – я был не в состоянии вообще думать. Мне казалось, что мои мозги выворачивает наизнанку. И если бы я периодически не заглядывал в зеркало (периодически,-- потому что если бы подобное повторялось даже чуть-чуть более чаще, это могло бы принять характер навязчивости), то мог бы решить, что мои извилины словно кротовые норы прорыли ходы в черепной коробке, и уже торчат наружу. И сам я тогда похож вообще черт знает на кого.

Но слава Богу -- так не было. Видимо провидение давало мне еще один шанс. И так-то уж быстро не оставляло меня. А значит вполне была надежда, что все это когда-нибудь закончится. Но когда?

.....

Я решил, что срочно должен бросить все, и заняться кем-нибудь другим. Себе я если и мог помочь, то только таким способом. Мне необходимо было подключиться к разуму другого человека; и быть может смешаться с его патологией психики. Вернее, свою патологию – передать ему. А его от нее *излечить*. Именно так мне это почему-то виделось. И я начал действовать.

Прежде всего, я возобновил свою практику. Причем за время моего отсутствия пациентов даже прибавилось. И теперь я принимал почти полдня. А оставшиеся время до вечера бродил по улицам. Мне нужно было попытаться убежать от самого себя. Я не мог находиться один. Но уже так получилось, что вскоре мои

прогулки – вместо облегчения – стали приносить мне еще большую боль. Потому что во время их я принимался перегонять такой поток информации, что очень быстро стал запутываться, и тогда мне становилось поистине страшно. И уже видимо желая избежать страха (как я подозреваю),-- я и отправлялся в бордели. Где яростно сублимировал скопившееся у меня желание в многочисленные тела ни о чем не подозревающих девиц.

Но если ни о чем не подозревали они, то видимо их хозяйка заподозрила что-то неладное. И стало как то так получаться, что вскоре двери некоторых публичных домов для меня оказались закрыты. Каким-то загадочным образом, в тот момент, когда приходил я -- или не оказывалось свободных девиц. Или мне подсовывали таких крокодилов, что я сбегал сам. И как оказалось, все эти походы тоже оказались не панацеей. И тогда... Тогда я начал пить.

Я пил,-- а потом устраивал драки в кабаках. И получалось, что совсем скоро приобрел совсем не хорошую славу. Что тотчас же сказалоь на моих клиентах, которые попросту исчезли.

У меня не оставалось выхода, как попытаться «спасти» хотя бы Пьера.

К тому же я знал, что моя жена давно вернулась в Париж. Но почему-то пока жила у брата.

Я не думал, что ей что-то стало известно обо мне. Скорей всего этой несчастной женщине было совсем плохо. И она не в силах была думать о ком-то еще, кроме как о себе, своих родителях, и брате. Состояние, которое, видимо, не предвещало ничего хорошего. Единственно, так конечно можно было думать,

---

если допустить что и она, и ее родственники были больны.

Психически больны. Если же нет, то тогда...

Но я старался не думать что будет тогда. И взяв билет – выехал в Париж.

.....
.....

Париж меня почти никак не встретил. Или же – за время моего отсутствия – он здорово изменился. Но в последнее мне верилось с трудом; и потому, скорей всего, мне вновь следовало искать причину в себе. Но я не очень приветствовал такие мысли. Ведь, думая я так, я бы, пожалуй, со временем и вовсе смог бы убедить себя в этом. А значит, о том, чтобы кому-то еще помочь -- можно было забыть.

Поэтому когда я увидел Софи с Пьером (пришедших меня встречать) я излучал лучезарную улыбку. И вообще, являл пример человека у которого все хорошо. (Ну, по крайней мере, я не допускал, что кто-то поймет, что мое поведения изначально тщательно спланировано. А мне самому приходилось ежесекундно контролировать себя, чтобы не сорваться. А ведь так хотелось бы двинуть Пьеру в морду, и прилюдно изнасиловать Софи. Повалить ее прямо на перрон, и под звуки паровозных гудков...

Но я вытеснял из себя подобные желания. Притом я догадывался (по взгляду Софи), что она истосковалась и сама. И стоит нам только добраться до квартиры Пьера, да закрыться в комнате – что я смог делать с ней все что хочу. Ну, или что хочет она. (Притом что зачастую наши желания совпадали. Потому что

Софи считала, что в наших сексуальных отношениях мне нравилось исключительно нечто извращенное. И потому сама старалась проявить инициативу, полагая, что пусть это лучше будет исходить от нее, чем ей придется подчиниться мне). Подход показавшийся бы немножко странным, если бы я не угадывал в Софи добрую толику тревожности и, видимо, скрывавшейся глубоко в ее подсознании страх.

Ну и, конечно же, ее неосознанное желание доминировать над мужчинами. А так как по своей природе она все же была ориентированна на подчинение (полагая, что это именно женщина должна подчиняться), то старалась компенсировать все это как-то иначе. Ну, то есть, взять реванш в другом. В постели, например. И тогда уже, то, что происходило в постели...

Софи вообще считала, что в сексе она имеет полное право проявлять свою любую фантазию. И потому, стоило еще только наметиться каким-то сексуальным отношениям, как Софи тут же преобразалась, и была по настоящему ненасытна.

Но мне это нравилось. И я старался удовлетворить ее самые – порой экстремальные – желания. Что уже нравилось ей.

Однако, если разобраться, приехал я все же не для этого. Мне хотелось выяснить: действительно ли и с Пьером и с Софи происходит что-то странное и загадочное. Или это только мое видение проблемы. Проблемы, которой на самом деле и нет.

И я начал действовать. Для начала я расспросил Софи о ее поездке к родителям. На удивление Софи вообще ни о чем не догадывалось (из того что я уже «накрутил» себе), а потому

довольно охотно поделилась со мной своим впечатлениями о поездке. Изрядно добавив (как я понял) и вымыслов. То есть, того, что на самом деле как бы и не было; но что ей показалось – могло бы быть. Теоретически, по крайней мере.

Прежде всего, Софи обратила внимание, что слухи о каком-то экстремальном поведении ее отца явно преувеличены матерью. И он по-прежнему остается таким же добропорядочным гражданином, каким знала его она. И каковым,-- (взгляд на меня),--
- знаешь его ты.

(Я кивнул).

Но вот что заинтересовало Софи, так это то, что как раз с ее матерью происходит что-то не то. Она стала уделять внимание косметике (хотя я помнил, что и раньше Оми как вроде бы красилась). Периодически куда-то пропадала. (Вроде и раньше с ней такое случалось). И вообще Софи показалось, что если что-то и происходит, то исключительно с ее мамой. (Вероятно, ее папа оказался гораздо хитрее, и пока гостила дочь, время проводил исключительно дома).

В общем, как я понял, ничего нового в поведении родителей Софи не происходила. И они по-прежнему остались такими, какие и были раньше. Ну, разве что, за исключением каких-то моментов, которые, в общем-то, дети и не должны знать.

Да и в Софи, в общем-то, я уже не видел чего-то странного. И я, радостно решив, что раннее ошибся, надумал вплотную заняться Пьером.

У него-то как раз намечались серьезные проблемы с психикой.

В один из дней спровадив Софи и намереваясь поговорить с ее кузеном «по душам», я уже обдумывал с чего мне начать, как на мое удивление разговор он начал сам.

--Как ты считаешь,--выжидательно посмотрел на меня Пьер.—Может ли так быть, чтобы человека постоянно преследовал страх?

--Ну, в принципе может,--осторожно произнес я.—Правда, желательно все-таки чтобы его не было. Ну, или, по крайней мере, должна быть достаточно серьезная причина страха, чтобы чего-то действительно бояться. Но я так понимаю, что ты хотел услышать не это?

--Да,--признался Пьер.—Понимаешь, я устал скрывать, что ничего не происходит. Когда ты в тот раз приехал, я поначалу как будто бы даже обрадовался. Но потом совсем не мог с собой совладать. Вернее, я никак не мог заставить себя признаться тебе во всем.

Я понимающе кивнул.

Пьер как будто немного приободрился.

--Но как только я понял что тебя нет, я сначала очень удивился (еще бы,--подумал я.—Ведь для меня тоже был загадкой мой внезапный отъезд), а потом готов был разрыдаться (нервы,-- констатировал я про себя). И я действительно не находил себе места. А попросту (Пьер выжидательно посмотрел на меня, словно еще раздумывая можно ли мне обо всем говорить) испугался. Понимаешь, я внезапно понял, что я все это время просто панически боялся оставаться один. (Я еще раз кивнув, всем своим видом демонстрируя абсолютное благодушие).

Но что мне было делать дальше я не знал. Если честно,-- (снова пристальный взгляд в глаза),-- может об этом неудобно говорить... Но, в общем, я даже прятался под кровать. (Пьер было вновь взглянул на меня, но я сохранял беспристрастность. Мол, говори, говори. Мне не первый раз выслушивать такие истории. И будь уверен, дружище, я абсолютно ничему не удивлюсь. И тем более не рассмеюсь, чего ты опасаясь). Я действительно сидел под кроватью (теперь Пьер готов был рассмеяться сам).

--Ты успокоился сразу же как приехала Софи?—уточнил я.

--Да,--кивнул Пьер.—Понимаешь, я сразу почувствовал, что и страх вроде как прошел. Ну, конечно, пока Софи не стала рассказывать все эти страшные истории про своих родителей (как я потом узнал, рассказ Софи Пьеру и ее рассказ мне – отличались друг от друга. То ли она тогда находилась под впечатлением поездки, то ли Пьер в том своем состоянии склонен был воспринимать все исключительно в черных тонах, а что еще вернее, одно как бы наслоилося на другое, но Пьер воспринял все совсем не так, как оно было на самом деле. Здорово, вероятно, намешав туда и собственных фантазий).

--А скажи,--посмотрел я на него.—Того, что за тобой кто-то следит, тебе больше не казалось?

--Казалось,--не успел я еще договорить, признался Пьер.

--И как будто это снова был не кто-то один?—уточнил я, больше показывая что я помню все что он мне когда-то рассказывал.

--Да,--кивнул он.

--Но каких-то реальных попыток проникновения в твою квартиру не было?

Пьер испуганно посмотрел на меня.

--Ну, я совсем не говорю, что так должно быть,--поспешил я его успокоить.

Взгляд Пьера как будто «разгладился».

Какое–то время мы молчали. Если честно, мои мысли были совсем о другом. Я отчего-то вспомнил свою поездку десятилетней давности в город, где жили родители Софи. И почти явственно мне вспомнилась наша ночь с Сандрой Муарже. В мой первый визит на квартиру, где она жила со своим мужем, чудачком, доктором Мишелем.

--Скажи, Франц, а ты действительно считаешь, что способен мне помочь?—спросил Пьер.

Подняв глаза, я увидел взгляд по-настоящему «забитого» человека.

Мне вдруг захотелось как-то приободрить его. И я уже устыдился своих недавних воспоминаний. Они здесь явно были лишними. Получалось, я как бы «предавал» человека, который готов был мне доверить свою жизнь. И хоть я был уверен, что на самом деле за Пьером, конечно же, никто не следит. И все эти его рассказы скорее были свойственны его мнительностью и тревожностью, и если действительно чего-то нужно было бояться, так это только того, что бы его сегодняшнее «пограничное состояние» психики не переросло в патологию. Но мне же было не по себе.

--Можешь не сомневаться,--улыбнувшись, коснулся я его руки.—Я тебе уже как-то говорил, что подобные случаи бывали в моей практике. И все подобного рода *навязчивости* благополучно исчезали. А люди начинали новую жизнь. Ведь ты сам понимаешь, что настоящая жизнь совсем другая. А эта боль, которая сидит в тебе... она как бы забирает все на себя. И жизнь проходит мимо. Понимаешь, мимо... -- благожелательная улыбка все еще оставалась на моем лице. Мне хотелось, чтобы Пьер почувствовал, что я ему желаю только добра. И не только желаю, но и сделаю все от меня зависящее, что бы он почувствовал себя лучше. Значительно лучше. Хотя, если честно, я понимал, что для этого требуется как минимум время. А того времени что было у нас... Ведь не мог я навечно поселиться в доме Пьера, и лечить только его. Тем более моя практика все же была в Вене (то, что разбежалась клиентура, я не переживал. У меня уже было какое-то имя, и я надеялся, что проблем с тем чтобы набрать новых людей не будет). Но вот Пьер... Ведь я действительно ощущал в себе желание ему помочь. А для этого мне необходимо было его убедить (хотя бы на время) переехать в Вену. Причем желательно, чтобы он не отвлекался на зарабатывание денег. Да я и надеялся, что смогу убедить его не думать ни о чем, кроме как о предстоящем лечении. Но я также знал, что Пьер просто не выдержит, если мы с Софи возьмем его на временное содержание. Но так как какой-то профессии у Пьера не было, а того чтобы он вновь стал заниматься коммерцией допустить я не мог, то мне следовало как-то ненавязчиво намекнуть ему захватить денег отсюда. А это, наверное, для него можно было сделать, если бы он продал свой бизнес. Все равно для него он был противопоказан. А

так можно было бы выручить вполне приличные деньги. И уж тем более ему бы их хватило, чтобы не чувствовать себя чем-то обязанным нам.

Но этот разговор я уже решил оставить на другой раз.

ГЛАВА 6

Рене почувствовал, что на него вновь накатывает это странное желание. Раньше как будто бы он и не испытывал такого. Но с недавних пор это стало повторяться так часто, что он уже совсем перестал быть уверен, действительно ли с ним не происходило такого и раньше?

Ему хотелось женщин. Причем не одну какую-нибудь конкретную (жену, например). Ему стали интересны женщины уже как сам факт загадочности их существования. Хотелось непременно разгадать эту загадку (в том, что эта самая загадка существовала, он не сомневался). Хотелось постичь их женскую сущность. Причем не абы какую, а именно ту, что скрывается в их глубине. Той глубине, проникновению в которую он и посвящал почти все свое свободное время. Причем – словно специально, что бы у него не оказалось препятствий – сама судьба благоволила ему. На фабрике, где он до недавнего времени работал главным инженером, произошел крупный пожар. В результате чего сама фабрика сгорела, а всем работникам высшего звена хозяин выплатил более чем солидную неустойку. И теперь Рене располагал суммой, лишь о незначительной части которой он сказал жене; но та, в свою очередь, была безумно рада вообще любым деньгам; и строила уже свои планы, как будет их тратить.

А Рене не препятствовал ей. В порыве страсти (секс с супругой он никогда не исключал из своих «обязанностей») «признавшись», что она действительно может тратить эти деньги по своему (какому-то женскому) *разумению*.

И Оми была более чем счастлива.

Так что, посчитав что «все стороны» удовлетворены, Рене пустился во все «тяжкое». Причем несмотря на обуревавшую его страсть, разум никогда не оставлял Рене (разве что, когда уж слишком «захлестывало»; как раз об этих случаях и стало известно мне из письма Оми Пьеру). Поэтому о большинстве случаев Оми не знала. Но все же он понял, что ему стоило быть поосторожней. И тогда Рене решил пожертвовать алкоголем. Потому что заметил, что только когда он пил – с ним происходили всякие неприятные ситуации. Когда же он оставался трезв – ничего подобного с ним не происходило. Ну, в смысле, ничего такого, о чем бы даже догадалась Оми. А узнать она не могла. Потому что Рене и здесь удивительным образом подстраховался. И стал посещать теперь исключительно закрытые публичные дома. Где собиралась как вроде бы приличная публика. А сами владельцы их были не заинтересованы выносить *тайну* на улицу.

.....
.....

Рене осторожно приотворил дверь, и зашел вовнутрь. Несмотря на то, что он вполне уже мог считаться «завсегдатаем», всякий раз, когда он переступал порог этого заведения, у него появлялась какая-то тревожность. Словно бы он изначально делал что-то настолько противозаконное, что если кто узнает об этом – позора не смыть всю оставшуюся жизнь.

Рене осмотрелся. Сначала ему показалось, что как будто никого и не было. Но не успел он подумать о чем-то другом, как откуда-то вышла хозяйка.

В том, что это была хозяйка он не сомневался. Он это знал. И она знала его.

Но каждый раз они разыгрывали сцену, как будто бы с Рене *такое* случилось первый раз. Ну а женщина всегда с легкостью ему подыгрывала. Тем более ей было абсолютно наплевать на то, в какие игры предпочитают играть ее клиенты. Главное, чтобы они приносили деньги. А так как Рене всегда платил более чем щедро, то хозяйка охотно включалась в игру, после которой (как уже знала) Рене попросит Розалию; а если та будет занята,-- то Консуэлу.

Больше никаких девиц он никогда не брал. И если так получалось, что и та и другая были заняты, Рене предпочитал ожидать, когда освободятся именно они. (В то время как «на подхвате» у хозяйки всегда было несколько девиц, ничем – на ее взгляд – не отличающихся от тех которых просил этот странный мужчина).

И только если он совсем уж уставал ждать, то тогда – она знала – он попросит ее. Заплатит вдвое больше обычного (чем оставил бы девицам); причем от нее будет требоваться только одно: зайти с ним в комнату, которую она использовала в качестве подсобного помещения, и в которой даже окон никогда не было, выключить свет (или вернее – не зажигать его), и высвободив его член, который почти тотчас же принимал нужную форму, быстрыми движениями своей руки привести к эякуляции. И все.

От нее даже не требовалось (как было она подумала в их самый первый раз, когда уже склонилась, собираясь обхватить губами готовый сфантировать вулкан) принимать все содержимое в себя. И она не отклонялась от заведенного ритуала ни на какое лишнее движение.

К счастью, сейчас были свободны обе девушки. И на удивление хозяйки (раньше, даже если случалось такое, Рене все равно брал только одну), мужчина попросил их обоих.

.....
.....

--Нет, нет, ты делаешь это не так,-- Розалия отстранила Консуэлу, которая уже было довязывала вытянутые руки лежащего на спине обнаженного Рене к спинке кровати.—Здесь требуется совсем другой узел.

Консуэла сделала шаг назад, отвлеченно наблюдая за стараниями подруги.

Девушки были непохожи друг на друга. Консуэле на вид было не больше двадцати. Белые локоны спадали, слегка закручиваясь, ей на плечи. Она была невысокого роста, худенькая, с большими, и как будто все время удивленными глазами. Грудь у нее была небольшая. С остро торчащими сосцами, к которым так любил припадать в порыве страсти Рене.

Розалии же на вид было около тридцати. С черными, короткими волосами, высокая, с большой грудью и бедрами, она представляла явный контраст Консуэле. И если во взгляде

Консуэлы читалась наивность и невинность, то взгляд Розалии выражал откровенную страсть. Хотя на самом деле, все было несколько иначе. И если эта самая страсть у Розалии оказывалась большей частью наигранная, то Консуэла предавалась наслаждению настолько искренне, что, казалось, наивысшее наслаждение от секса получает не мужчина, а она.

Им и раньше приходилось вдвоем «обслуживать» мужчин. Тем более, они столь заметно – внешне – отличались друг от друга, что клиенты охотно приглашали их обоих.

Это как бы дополнительно повышало сексуальное возбуждение и испытываемое удовольствие. А потому – особенно у кого уже намечались проблемы с потенцией в силу возраста или иных каких-то причин – знали наверняка, что если пригласить обоих, то у них уж получится *наверняка*. Как, в общем-то, и было.

Рене никогда еще не было так хорошо. В то время как Розалия обхватила губами его член, Консуэла с широко разведенными ногами -- и упираясь руками в спинку кровати -- присела на его лицо, закатив глаза от наслаждения.

Потом они поменялись. Девушки действовали умело. Они знали, что их клиент *особенный*. И все должно «закончиться» только одним единственным образом. Они должны будут начать с ним что-то типа борьбы. На кровати. А потом как бы невзначай повалят на спину, Розалия, навалившись сверху, должна будет удерживать его в таком положении (Рене как бы должен пытаться «высвободиться»), а Консуэла, тем временем, склонившись над его готовым запульсировать вулканом, примет всю накопившуюся в нем страсть в себя.

Вот и все.

Но до этого они должны еще немного поработать. Причем, в том числе, и слегка побить мужчину (для этого были заготовлены что-то наподобие розог). И дать ему проникнуть своим огромным членом во все их – жадные для такого проникновения -- места. Ни для него, ни для них не должно быть ничего не доступного. Все табу были отмечены. Дозволялось все, что захочет клиент. И за что он еще любил именно этих девушек – они не только с легкостью включались в его игру, но и делали все с искренней самоотдачей. Как будто испытывали наслаждение не меньше его. А может и вправду испытывали не меньшее удовольствие чем он.

Но Рене старался об этом не думать. Боялся об этом думать. Ведь они *дали* ему *сказку*. А какой-то излишне подробный анализ способен был превратить ощущение сказочности в самую настоящую рутину. А этого ему не хотелось...

ГЛАВА 7

--Нет... Этого не может быть... Этого не должно быть...
Иначе... Иначе... В том то и дело, что тогда будет все иначе. И у
меня уже не будет моей прежней жизни... А новая жизнь... Ну
да... В таком случае меня будет ожидать какая-то новая жизнь...
Жизнь, которой до того жили мои пациенты... И которая теперь
тоже будет моей... Потому что... Потому что я стану таким же,
как и они... Одним из них...

Я сидел, провалившись в кресле. И констатировал, что у
меня начинается самое настоящее отчаяние. Сказать, что меня это
удручало, – значит почти не сказать ничего. Я понимал, что моя
психоаналитическая практика как бы накладывала отпечаток, в
том числе, и на проявление моей болезни. Вернее – на ощущение
ее. На констатацию ее у себя. То есть я, конечно же, реагировал не
так как мои пациенты. Ведь я – как никак – знал причины
образования своей симптоматики. Догадывался, почему это
происходит со мной. И, конечно же, как-то и не особенно
переживал. Быть может, что-то вообще принимая как должное. Я
вообще в последнее время стал слишком сдержан. Если поначалу
в моей душе все-таки еще жила *поэтичность*, и даже можно
сказать, она превалировала над всем остальным (то есть на первое
места я ставил *чувство*), то в последние десять лет все изменилось.
И теперь я лишь сухо отмечал какие-то детали. И так получалось,
словно наблюдал за собой со стороны. Да и вообще, быть может,
стал жить как будто одновременно жил не одной жизнью, не в
одном измерении, а как минимум в двух. Или, лучше сказать, в

трех. Этакая,-- многомерность изображения. Пространства. И при этом еще мог шутить.

...Я действительно мог шутить.

Как если бы шутил патологоанатом, если бы ему вдруг пришлось расчленять самого себя. Или шутил врач. Который нашел у себя опухоль. И готовился сам себя оперировать.

Это была сдержанность санитаря, которому снарядом оторвало ногу, а он, наскоро перевязав рану, собирался продолжать вытаскивать раненных с поля боя. При этом, как будто еще не понимая, что подобного у него уже никогда не получится. Потому что мозг продолжал еще жить жизнью полноценного тела. Так и не успев осознать, что оно-то уже не полноценное. Его вообще осталась какая-то часть. И жизнь теперь у него начнется совсем другая. И то, что удавалось раньше, теперь, конечно же, не получится...

.....
.....

...Я наверное боялся признаться себе, что у меня уже ничего не получится. Что мои пациенты теперь могут вполне законно игнорировать мою практику. Да я и сам, наверное, не мог себе позволить обходиться с ними прежним образом. Потому что наверняка теперь буду бессознательно переносить свою собственную патологию психики на них. И лечить, большей частью, не их, а себя. Но как будто все еще *обращаясь* к ним.

И в конце концов, для них, конечно же, это будет совсем не лечение. А быть может и скорей всего, я сделаю им еще хуже. Потому что наверняка добрая половина из них начнет чувствовать те же самые симптомы, что испытываю сейчас я.

Но уже с другой стороны, понимают ли они, что на самом деле чувствуют?

А у меня все это наверняка началось давно. И как бы постепенно я подошел к тому состоянию, что испытывал сейчас. А быть может... А быть может ничего этого и не было? И как раз это я попал в зависимость к одному из своих пациентов.

К Пьеру.

И постепенно просто начинал испытывать симптомы – уже его...

...Хотя, так ли это было на самом деле? Ну, если даже и так, то вероятней, причиной здесь был и не один Пьер. Мне быть может вообще нельзя было начинать заниматься психоаналитической практикой. И тогда уже получалось, что во мне постепенно накапливалась симптоматика чуть ли не всех моих пациентов. И те симптомы, которые не могли быть вытеснены, со временем возвратились. И какая-то часть цензуры моей психики дала сбой. А из *бессознательного* вся эта психопатология постепенно стала заполнять мое сознание. А Пьер... Пьер, видимо, явился в данном случае как бы последнем камнем. И принятое от него – послужило тем, что в мое сознание разом стала выплескиваться вся эта грязь. И мне все трудней и трудней стало с собой совладать. При этом я быть может все же оказывался в более выигрышном положении, чем они. Ну, во-первых, какое-то

время мне удастся скрывать мое состояние от окружающих. А во-вторых... А во-вторых вполне возможно, что я еще найду выход. Не допущу, чтобы все эти симптомы окончательно подчинили себе мою психику, мое сознание. А значит, в какой-то мере, у меня еще был шанс. Шанс спастись. Ну, по крайней мере, не допустить дальнейшего развития. И, наверное, все же самым разумным было бы *перепроецировать* все симптомы мои – на других. Да на того же Пьера, например. Бедняга все равно мучается. Но ведь мучаюсь и я. Но если я спасу себя – то наверняка смогу спасти и его. А вот если спасется он – вряд ли он сможет мне помочь...

.....
.....

Конечно, мне становилось не по себе от этих мыслей. Как-то бессознательно я понимал, что все-таки думаю совсем не о том. Но и иначе я уже как будто не мог. Я искал пути защиты, и мои мысли рождали единственно возможный вариант решения. Ну, может быть, один из возможных вариантов. Потому что я предполагал, что, конечно же, варианты были еще. По крайней мере, существовали. Вот только, почему-то, сейчас они не приходили в голову. А мне бы очень хотелось избавиться от того, что было у меня. Хотелось, быть может, совсем об этом не думать. Но как я мог не думать об этом, когда сейчас это было для меня самое главное? И, получалось, думать о чем-то другом я уже не мог. Не хотел. Не был способен. А ведь я и действительно, получалось, просто был не в состоянии принять какой-то иной вариант решения. Но ведь я искал его? Я ведь действительно его

искал. А может... уже и не так-то и искал... Но говорить так, почти означало начинать обманывать самого себя. А для меня это было так же неприемлемо, как и обманывать кого-то другого.

.....

Что все-таки со мной происходило?.. Во мне постоянно разрасталась какая-то *невостребованность*. И при этом я очень боялся в этом себе же признаться. Я опасался о чем-то начинать думать. Боялся этих навязчивых мыслей. Которые, допусти я такое, начали бы всецело заполнять меня. И иногда они настолько меня заполняли, что я уже не в состоянии был выносить такого состояния. Мне хотелось бежать сломя голову.

Но куда можно было сбежать от себя? Ведь эта все находилось во мне. Это было причиной развития симптоматики какого-то особого психического заболевания. Нервы, конечно. Но моя нервозность все равно была какой-то особенной. Она если и была похожа на нервозность, встречающуюся у других, то лишь в каком-то общем определении. Тогда как было что-то присущее исключительно мне. И вот как мне от этого избавиться?..

.....

.....

Я сходил с ума. И я это знал. Знал как специалист, который ранее констатировал схожие диагнозы у пациентов. И даже принимался избавлять тех от них. Но вот, пожалуй, только сейчас я понял, как же это по настоящему больно. Ощущать, как в любое

мгновение твой мозг готов разорваться на части. И ты постепенно уподобляешься саперу. У которого любое неосторожное движение способно привести к взрыву.

Конечно, мне было мучительно больно ощущать это в себе. Но ведь, должно быть, как то так (или примерно так) происходило когда-то и с теми, кто ко мне обращался. Хотя я, по всей видимости, (и я помнил это) всячески старался ограждать себя от какого бы то ни было сочувствия им. Быть может потому что я боялся стать одним из них? А может просто это была привычка, которая свойственна тем, кто постоянно общается с человеческим горем, и уже как бы «вынуждает» себя казаться безучастным. И при этом, возможно, как раз переживает больше других.

Но мне действительно было больно. Пьер! Как там Пьер? Пьер. Пьер...

.....
.....

Как то так получалось, что я стал искать спасение в кузене своей жены. Самой Софи я уже откровенно признался, что ее брат болен. И если я ему не помогу сейчас, то ему уже больше никто не поможет. (Ну, как-то так).

К моему удивлению Софи совсем не возражала. Хотя, почему это должно было ее раздражать? Впрочем, уже то, что я мог считать так,-- скорей всего было еще одним (дополнительным) подтверждением того критического состояния, в котором я находился. Ведь такие люди, как известно, и начинают мыслить немножко не так как другие. То есть они начинают обращать

внимание на то, о чем другим так-то сразу и не подумать. Но не подумать – это и есть *нормальность*. Ибо как раз и не следовало думать о том, чего на самом деле никогда не было. А если уже думал о том я...

Пьер последовал моему совету и достаточно быстро продал бизнес. Точнее, остатки бизнеса. Быть может он и правда мне уже говорил. Но как бы то ни было, оказалось, что Пьер начал все распродавать давно. Еще с момента своего приезда из Австрии. А потому теперь это заняло совсем не много времени, и всего через несколько дней мы уже подыскивали ему квартиру в Вене, куда он теперь переехал. Как я понял – чуть ли не окончательно.

--...А ты знаешь, на удивления я пока совсем не замечаю за собой того, что было раньше,-- ошаршил меня этот удивительный человек, стоило нам только приступить к курсу лечения.

--Ну, такое случается,-- поспешил успокоить я его. Вернее, успокоить себя. Потому что на сегодняшний момент Пьер оказался моим единственным пациентом. И если бы он внезапно решил прервать задуманное, то поставил бы меня перед серьезной проблемой. И не только финансовой. Ведь любой специалист должен быть востребован. А если ему некуда приложить свои знания... (В общем, это не хорошее состояние,-- и в первую очередь для психики,-- когда человек чувствует свою невостребованность).

--Да нет, я же говорю правду,--улыбнулся он.—Стоило нам только приехать, и я сразу же почувствовал как мои мысли поменяли свою *направленность*.

--И о чем же ты теперь думаешь?—с трудом сдерживая раздражение спросил я.

--Ну...ну, даже не знаю,--задумался этот идиот. Улыбка, казалось, застыла на его лице. Мне внезапно захотелось дать ему в морду. Но я сдержался. Не раз такое случалось и раньше. Большинство моих пациентов (так уж выходило) через какое-то время начинали меня раздражать. И если бы не заведенные мной правила (я знал, что стоило мне хоть раз не сдержаться, и буду корить себя всю жизнь), я бы половину из них выгнал пинками. А остальную половину выгнал бы «просто». И избавившись от них нисколько бы даже не пожалел. Но только поначалу. А потом бы наоборот – не находил себе места. Мучился. Страдал. Переживал бы за свое поведение. И... и, к сожалению, такого я не мог себе позволить. А потому всегда терпел до последнего, пока пациент, наверное, начинал обо всем догадываться, и уходил сам. Или вернее – сбегал. Договариваясь о следующем разе – и просто на него не приходив.

Но я не переживал. К чему мне были эти переживания? Ну а сейчас у меня появлялась все основания списать какие-то свои несчастья на Пьера. Пусть он, конечно же, ни о чем не подозревал. Еще не подозревал. Но как казалось мне – этот чужак все равно догадается. Но зато – в таком случае – все мои близкие начали бы жалеть меня. И «пострадавшей» стороной был бы именно я. А такое положение позволяло приобрести какие-то бессознательные «льготы» перед жизнью. И пусть реально это не

ни во что не воплощалось,-- ощущения у меня были самые великолепные.

--Нет, Пьер, к сожалению, я должен тебе сказать, что это так быстро не проходит...

Мне необходимо было во что бы то ни стало убедить его, что до выздоровления еще далеко. Ведь как-никак Пьер был составляющей частью моего эксперимента по собственному выздоровлению. И если бы я потерял его...

В общем, убедить его мне удалось. Будучи от природы не очень общительным, когда мне это действительно было нужно – меня было трудно остановить. Ну а чтобы убедить в чем-то кого-то другого, мне приходилось применять все свои знания и опыт общения с людьми. Притом, если люди страдали каким-то психическим расстройством, общаться мне с ними было конечно же легче.

Ну а если они с виду «нормальные», то чтобы не было никаких заминок у меня, я внушаю самому себе, что эти люди *нормальные* только с виду. А на самом деле у них тот или иное *психическое отклонение*. Быть может легкое. Быть может, находящееся только в пограничной области. В стадии еще только первоначального обнаружения. Но ведь почти у всякого есть хотя бы легкий невроз. Который, быть может, например, тщательно скрывается этим человеком. И уже как бы то ни было, я с ним начинаю говорить, про себя будучи уверен, что он *потенциальный пациент психоаналитика*.

Пусть это обман. И в большинстве случаев эти люди практически здоровы. Но этот «обман» мне помогает

снисходительно разговаривать со всеми людьми. Независимо от их общественного положения. Притом, что интересно,-- они как бы бессознательно включаются в мою игру. А на самом деле, конечно же, с их стороны все происходит само собой. Но они оказываются полузагипнотизированными мной. И оттого мне становится несравненно легче.

В общем, убедить Пьера мне удалось. Наши сеансы стали происходить каждый день. И пусть пока ни он, ни я не чувствовали улучшения, я знал, что скоро оно произойдет. По-крайней мере у меня. Потому что если чувствуешь какую-то ответственность за других, то невольно просто убеждаешь себя, что болеть попросту не имеешь права.

И так, в общем-то, вскоре и произошло. Я почувствовал необычайное улучшение своего состояния. И уже знал, что мне удастся снять симптомы тревоги и с Пьера. Хотя бы потому, что почти каждый из нас *внушаем*. И задача заключается даже не в том, чтобы тебе поверили, что ты способен гипнотизировать их (хотя и гипноз гипнозу рознь); а скорее всего, как бы неосознанно у пациента включаются механизмы *переноса*. Что позволяет ему почувствовать себя несравненно легче. Правда, пока аналитик будет рядом. Ну, так я никуда и не собирался исчезать.

ГЛАВА 8

Софи.

Софи все еще была в меня влюблена. И при этом я как будто ничего и не делал, чтобы это было так. Но и, наверное, нельзя было сказать, что все происходило как бы само собой. Скорее, как-то неосознанно я поддерживал в этой наивной девушке эту уверенность в любви. И в принципе, я ведь тоже, наверное, ее любил. Насколько, конечно, можно было назвать то чувство, которое я к ней испытывал, любовью.

И уже потому, когда я пишу про любовь, то я как бы включаю в это понятие нечто большее, чем, быть может, в него вообще необходимо вкладывать.

И все же я любил Софи. Конечно же, любил. Просто сейчас у меня была такая ситуация, когда все касалось любви как-то отходило на второй план. И если честно, мне очень хотелось разобраться: что со мной происходит? И даже больше: мне хотелось сделать что-то, чтобы это уже не повторялось.

...Хотя, наверное, я хочу *невозможного*. Но тогда уже, чтобы что-то негативное не то что не повторялось, но хотя бы случалось не так часто, как это на самом деле происходило.

Мне хотелось, очень хотелось, как-то отдалить тот процесс, который, по всей видимости, уже был необратим.

И чем больше он захлестывал меня, тем меньше у меня было сил сопротивляться ему.

А иногда просто хотелось пустить все на самотек. Сделать так (вернее – уже не делать ничего), чтобы все происходило как будто и независимо от меня. И уже как бы наблюдать за этим со стороны.

Но ведь сделай я так, и наверняка я как бы уже изначально подписался под неосознанным желанием, чтобы все происходило именно так, а не иначе. А ведь этого я не хотел. И на самом деле оказывалось, что я просто запутывался. Готов был запутать сам себя. И быть может, так бы и случилось, если бы... если бы у меня не было Пьера.

Пьер, этот поистине несчастный человек доверял мне. И если было у него какое-то сопротивление против анализа, то это происходило только в самом начале. Я понимал, что в душе ему, быть может, и самому было интересно узнать, чем бы это все закончилось. Но видимо, догадываясь, что ничем хорошим (по крайней мере, для него) это закончится не могло, он все больше стал доверять мне. И теперь я часами выслушивал его рассказы. Которые состояли из его различных предчувствований того, что может произойти с ним дальше (в большинстве случаев все эти «пророчества» сводились к его ожиданию смерти), или даже какой-то попытки анализа относительно того, что происходило сейчас.

И ведь самое интересное, что этот человек совсем не умел философствовать. И для меня было настоящей пыткой слушать все

эти многочисленные монологи, порой сравнимые с настоящим бредом.

Но я их слушал. Слушал потому, что случалось именно среди этого крошечного ада и мракобесия мыслей могло скрываться зерно истины. А ведь помимо того, что мне это приходилось слушать, я должен периодически задавать и какие-то *наводящие* вопросы (когда рассказ Пьера уже окончательно готов был превратиться в нечто невообразимое).

И я слушал. Анализировал. Сопоставлял то, о чем он мне говорил сегодня – с тем что это было вчера. Или позавчера. Или вообще было произнесено им когда-то. Потому что мне необходимо было проследить, как человек менялся. И как это можно еще сделать, если только не по его мыслям!? (Конечно, если он не совершает никаких поступков. Но тогда бы мне заметно прибавилось работы. Поэтому от каких-то поступков я его ограждал. Пьер почти постоянно находился под моим контролем. И я за него был относительно спокоен).

Вообще, если разобраться, Пьер, казалось, и не думал совершать нечто большее тех его обязанностей, которые включала его повседневная жизнь. А так как его жизнь была достаточно прозаична (в основном она сводилась к нахождению в своей квартире в ожидании моих приходов), то я мог быть относительно спокоен, что он не совершит ничего лишнего. Все относительно, конечно. Потому что нельзя было исключать долю вероятности, что его внезапно посетит какая-то идея. И у меня появится еще одна (дополнительная) проблема, требующего немедленного разрешения. А этого я не любил. Ведь мое психическое здоровье само находилось под большим вопросом. А

на какую-то дополнительную нагрузку психика была не рассчитана.

.....

.....

В один из дней Пьер исчез. Его квартирная хозяйка (которая должна была – за дополнительную плату – за ним присматривать) только разводила руками, и в беспомощности хлопала своими престарелыми глазками, пытаясь – как я подозревал – вообще разглядеть меня. Видимо у нее уже намечались серьезные проблемы со зрением. Но не много ли для меня проблем? И потому, наскоро расспросив ее, и выяснив что она ничего толком не знает («куда-то ушел. Сказал, что скоро будет, и ушел»), я пустился на поиски пропавшего.

На мое удивление, отыскал я его довольно быстро. Пьер сидел в кафе напротив, уставясь в окно. Видимо на этот его идиотский взгляд я обратил внимание. Но стоило мне только войти в кафе, как Пьер тотчас же переключился на меня. И с моим намерением просто забрать его, чтобы обо всем поговорить дома (если честно, я хотел высказать ему все, что о нем думаю) пришлось расстаться. Казалось, он меня не слышал. Несмотря на то, что (как я думал) меня видел (трудно думать, что вас не видят, когда разглядывают в упор).

Как я понял, Пьер находился в своеобразном *ступоре*. Такое было свойственно шизофреникам. И это было первое, о чем я подумал. Мне пришлось присесть напротив него. Какое-то время

мы молча смотрели друг на друга. Но если то, что думал я, было, в принципе, понятно, то вот о чем размышлял этот чудак, оставалось загадкой. (При том, что у меня были серьезные подозрения, что он не думал ни о чем. С идиотами такое случается).

Но ведь Пьер не был идиотом. Да и шизофреником, по моему, тоже. Если что-то похожее намечалось (и первое и второе), то это было еще как-то далеко. Быть может и не очень далеко (он, по крайней мере, к этому шел), но не настолько, чтобы это случилось так скоро...

Наконец мне удалось как-то расшевелить его, и мы пошли домой. Ко мне домой. Потому что в том, что можно было оставить его одного (после случившегося) -- у меня появились серьезные сомнения.

Но еще «интересней» он повел себя у меня дома. С Софи мы спасли отдельно (у каждого была своя комната). Выделили мы комнату и Пьеру. И вот посреди ночи я оказался разбужен громкими всхлипываниями моей жены. Осторожно приоткрыв дверь в ее комнату, я увидел, что она сидела (забравшись чуть ли не на подушку и поджав под себя ноги) на кровати, а на полу распластался Пьер.

--Софи?—недоуменно произнес я.

Женщина кивнула в сторону Пьера. Тот молча встал и прошествовал в свою комнату.

--Что происходит?—Какие-то нелепые догадки одна за другой уже заполняли мое разыгравшееся воображение.

--Он пришел в мою комнату, и я так поняла, хотел о чем-то со мной поговорить,--сквозь всхлипывания (которые стали уже реже) ответила Софи.

--А почему ты плачешь?

Всхлипывания сочетались со шмыганьем носом. Но внезапно Софи разрыдалась.

--Почему ты плачешь?—повторил я вопрос.

--Он... он уже не человек... он совсем не такой как бы раньше... он болен! Правда ведь он болен?!—Софи с какой-то надеждой смотрела на меня.

--Ну конечно же болен,--машинально ответил я то, что она хотела услышать.—Правда может не настолько---

(Более чем выразительный взгляд на меня Софи).

...Не настолько что бы действительно бить тревогу. Хотя мне и хотелось бы знать, что все-таки произошло?

--Нет, нет, ничего. Ничего о чем ты мог подумать,--казалось, женщина уже пришла в себя.—Понимаешь, я проснулась оттого, что кто-то на меня смотрит.

Я выразительно вскинул вверх брови, что могло означать одновременно и удивление, и философское размышление по поводу неисповедимости путей Господних.

--Понимаешь, ведь он таким никогда раньше не был. И это очень испугало меня.

--Ну, тебя испугало, что он вообще к тебе пришел,--заметил я.

--Ну да. Но и не только это. Понимаешь, ведь раньше он действительно таким не был.

--То есть, не приходил к тебе ночью,--подумал я, но не сказал.

--И мне кажется... Мне кажется, что он должен от нас уехать,-- потупив взор, смущенно произнесла Софи.

Мне вдруг показалось, что любые слова ей сейчас давались с трудом. Значит между ними что-то действительно могло произойти? Но ведь я точно так же мог и ошибаться?

--Ты действительно ничего от меня не скрываешь?— посмотрел я на супругу.

--Нет,--ответила она. Но сказала это столь поспешно, что только зародила во мне новые сомнения.

--Хорошо. Обсудим все завтра. А сейчас ты должна спать. Ну хотя бы попробовать уснуть... А чтобы ты больше ничего не боялась – я закрою тебя на ключ.

--Иди сюда,--попросила она, ложась в постель и приоткрывая одеяло.

--Этого еще не хватало,--подумал я, но от нее исходило такое желание, что мне трудно было заставить себя устоять. Да и зачем? Секс после какого-то переживания мог быть окрашен новыми красками. К тому же у меня появлялась возможность утешить женщину. А от этого я старался никогда не отказываться.

--... Подожди,--Софи спустила с себя ночную рубашку, и повернувшись ко мне спиной стала на четвереньки.—Я хочу чтобы это было сейчас так.

--Ну, если хочешь,--сказав что-то наподобие этого, я осторожно пристроился к ней сзади.

--Ну, входи же,--нетерпеливо произнесла она.

...В самый разгар начавшегося между нами безумия плоти, я заметил, что кто-то на меня смотрит. Видимо это был Пьер? Но не останавливаться же? При этом я стал ощущать нечто новое. Моя мужская сила (на которую я и без того никогда не жаловался), казалось, получила новый приток наслаждения и возросла неимоверно. В любое мгновение мог произойти взрыв. И закрыв глаза, я уже, в принципе, представлял то, что мог увидеть. Тем более на воображение я тоже никогда не жаловался. И большей частью мне достаточно было вызвать в памяти какое-то событие (при этом само «событие» могло никогда и не происходить), чтобы ощутить себя участником его.

Так случилось и на этот раз. А еще через какое-то время я уже сотрясался в жутком оргазме.

Софи закончила одновременно со мной.

А вот Пьер?.. Пьер, наверное, ушел раньше. Потому что когда я все же открыл глаза (стараясь боковым зрением охватить комнату), кроме меня и с Софи в комнате никого не было. Хотя мне вполне могло и показаться, что там вообще кто-то был помимо нас. Психика иногда шалила самым невообразимым образом. Вот только привыкнуть я к этому до сих пор не мог. Но кузена моей жены в комнате действительно не было. Хотя, кто его знает?..

ГЛАВА 9

Но мне, конечно же, ничего не оставалось, как по видимому смириться с тем, что со мной что-то происходило. Получалось так, что те необратимые последствия, которые начали происходить со мной – они как бы вынуждали меня изменять и мою жизнь. Я словно вынужден был подстраиваться под новые обстоятельства восприятия действительности. И чем больше я об этом думал, тем труднее мне становилось. И наконец-то настал тот момент, когда уже больше ни о чем, как о собственной психопатологии я думать не мог. Мысли, эти навязчивые мысли забирали у меня самое драгоценное, что еще оставалось: мой разум. И если я еще мыслил, то только благодаря той мучительной работе, которую почти ежесекундно прodelывал над собой. Только так появлялась надежда, что еще не все потеряно. Нет, конечно же, я уже не думал, что когда-нибудь вернуться прошлые времена, когда какие-то случавшиеся со мной *отклонения* (а они уже тогда были; но были столь незначительно, что я даже не обращал на них внимание) воспринимались мной как шутка. Уже давно можно было не шутить. Все было настолько серьезно, что иной раз я подумывал о том, чтобы разом прекратить страдания. Но насколько это было возможно?

.....

.....

Порой я думал, что ничего страшного еще не происходит. Но вместо появления какой-то надежды, мне начинало казаться,

---

что как раз все самое страшное начнется уже скоро. А пока это все было чем-то навроде прелюдии начинавшегося у меня безумия. Хотя, наверное, я должен был отдавать себе отчет, что самые первые ростки болезни появились у меня уже давно. А теперь как бы это все дало всходы. Причем настолько «обильные», что в иные моменты ни о чем кроме как о том, что со мной происходит сейчас, и более чем нелепых прогнозов на будущее – думать я не мог. Мне даже не хотелось об этом думать. Хотя я, конечно же, знал, что просто обязан переключить внимание на что-то другое. Потому что – в ином случае – передо мной и есть пример тех самых навязчивых состояний, наступления которых я всегда очень боялся. Хотя уже думаю сейчас, так ли мне стоило их бояться? Ведь, если разобраться, пока что у меня был откровенный невроз. Невроз навязчивых состояний, который даже еще не переходил в обсессивно-компульсивный невроз. Что для меня было бы несравненно хуже. И, конечно же, я мог просто радоваться, что у меня пока еще не началась патопсихология. Те необратимые последствия в психике, которые приводят к различным маниям, или той же самой *Dementia praecox*. (Шизофрении).

Вот это уже было бы поистине страшно. Хотя, конечно же, еще не такое страшное, как тот же дибелизм или идиотизм. Вот там бы уже действительно не было пути назад. А вся жизнь превратилась бы в насмешку или жалость окружающих (в зависимости от их интеллектуального уровня). Но ведь это и действительно было самое страшное. Хотя, судя по развитию болезни, никакая подобная форма мне не грозила. Я даже не мог быть уверен (к счастью – не мог быть уверен), что у меня начнется какое-то серьезное психическое заболевание. Ну а невроз? Да мало

ли людей с неврозом. Я могу сказать, что он еще не был той бедой, от которой действительно приходилось спасаться. В иных случаях, невроз мог даже сыграть положительную роль. Например, в лучшем восприятии действительности. В более «остром» ее восприятии. Когда замечаются те моменты, на которые большинство просто не обращает внимания. И уже могу добавить, что, по моему мнению, невротическими заболеваниями в большей мере страдают люди душевно ранимые. С обостренным чувством справедливости. С, быть может, вечным поиском правды. Таким был я. Ну а раз это было у меня, то почему бы этого не могло быть и других? И как выход из положения, ко мне пришла идея найти точно таких же несчастных. Которым мы, может, могли бы помочь общими усилиями. Все вместе. Ну а особенно если в нашем... (я думал организовать что-то навроде тайного общества)... в нашем клубе (почему бы это не мог быть клуб? Тайный клуб) присутствовали бы специалисты наподобие меня. Раньше, да может еще и сейчас, имеющие психоаналитическую или психотерапевтическую практику. И к тому же еще «видящим» болезнь «изнутри». Ведь было больше шансов, что они смогут оказать существенную поддержку страждущим.

Да и как могло быть иначе? Ведь мы должны были друг другу помогать. А раз так, то моя идея – получив должное «подкрепление» в моих мыслях – готовилась воплотиться в жизнь.

И еще. По всему выходило, что мне рано было избавляться от Пьера. (Что я, признаюсь, собирался сделать). Он мог мне пригодиться уже в качестве добровольного помощника. Готового в качестве благодарности воплотить мою. И что касается Пьера надо было совсем немного. Достаточно было найти ему новое жилье

(квартирная хозяйка, от которой мог сбежать жилец мне не подходила), продумать варианты, чтобы он оттуда никуда не отлучался, ну и собственно, найти ему посильную работу. (То есть, получается, возложить на него посильные обязанности по клубу).

И вот этим то, как раз, я сейчас и решил заняться.

Однако, чем больше я об этом думал, тем больше мои мысли стали вытеснять совсем другие. Ведь – фактически разогнав своих пациентов – я лишился и заработка. И мне уже сейчас, наверное, в первую очередь необходимо было думать собственном пропитании, и существовании моей семьи. Ибо получалось, что Софи оказалась совсем не способной работать. Пару раз, конечно, я ее куда-то устраивал (все больше по своим друзьям-приятелям). Но все время она находила одну и ту же причину, по которой работать не могла. Причем была по самому дорогому, что у меня было: по «частной собственности». А я совсем не выносил когда на какую-то мою вещь (будь-то вещь одухотворенная или не одухотворенная) «претендовал» кто-то еще. И даже понимая, что в большинстве случаев эти истории были выдуманные, я все равно понял одно: Софи работать не хотела. И даже, если бы я вновь нашел ей работу (сам этот поиск практически не отнимал у меня никакого времени. Стоило мне только обратиться к кому-нибудь с какой-то просьбой – тотчас же находились желающие помочь) – это бы все равно закончилось одним и тем же: мнением моей не совсем нормальной женоушки, что кто-то ее способен «возжелать». Причем, именно только способен. То есть все замыкалось в ее фантазии. Ну, из предположения, конечно же, (опять же – ее), что каким-то образом

ей удается угадывать мысли. Во что я конечно совершенно не верил. Как и в то, что кто-то к ней мог приставать. Ну, разве что, в мыслях раздевал ее. Так она сама порой вела себя как самая настоящая блядь. И что было делать мужчинам, когда перед тобой сексуальная стерва, которая еще как будто всем своим видом показывает, что тебя хочет. Загадка.

Но загадок мне хватало. А потому я просто «настоял» чтобы она сидела дома. И немного посопротивлявшись (как я и предполагал – больше для приличия), Софи наконец-то превратилась исключительно в домохозяйку. Чему я признаться был рад. Потому что она (словно чувствуя передо мной какую-то обязанность) стала вести себя в постели вдвое *откровеннее*. Да и не только в постели. Иногда она словно случайно становилась в позу, когда не заняться с ней любовью мог бы только откровенный импотент. Причем, иной раз это происходило столь неожиданно (для меня, конечно. Ведь все время у меня были какие-то «планы»), что я потом удивлялся, как же это все оказалось возможным. Ведь у меня действительно были другие планы. Но ведь практически невозможно устоять перед женщиной, если из нее прямо таки излучается откровенная доступность. Это что-то вроде удовлетворения тех природных инстинктов, которые живут глубоко в нашем подсознании. И сохранились в нас исключительно с архаических времен. Когда в отношениях между мужчиной и женщиной еще не было тех ограничений, которые наложила большей частью культура и цивилизованность.

Я «брал» ее. А мне хотелось все еще и еще. И, наконец, настал тот момент, когда это стало мешать моей работе. Моим

мыслям (ибо главным образом моя работа сводилась к тому, что необходимо было мыслить). Ибо все чаще я начинал ловить себя на том, что думаю совсем не о том. И вместо обдумывания каких-то хитросплетений бытия – думал, как бы поскорее овладеть разбушевавшейся плотью этой разнузданной девицы. Да и сколько ей было. Чуть больше тридцати. Еще совсем юный возраст. Ибо, по моему мнению, женщина наиболее сексуально желанна, когда ее возраст находится между тридцатью семью – тридцатью восьмью и сорока пятью. В этом возрасте она способна превратится в наиболее сексуально доступную -- для мужчины -- партнершу. Ну, наверное, большей частью для мужчин, не приемлющих в сексе никаких табу. И тогда такая женщина по настоящему способна его удовлетворить. Ибо где-то подсознательно она понимает, что скоро для нее все закончится. И многие наслаждения для нее будут закрыты (секс, например, с любимым понравившимся ей мужчиной или юношей). И уже потому каждый раз «отдается» она так, словно это для нее в последний раз. Причем уже согласна (ну если не дура, конечно; а женская глупость это, к сожалению, настоящий бич) на кое-что и из того, что раньше исключала, или так и не решилась попробовать. (Когда у нас есть выбор – мы всегда можем выбирать. А когда его не остается – готовы довольствоваться и тем, что есть. Что предлагают).

И все же я наконец-то смог приступить к созданию клуба. Но вот стоило мне сделать первые шаги, как я уже понял, что мое прежнее *видение* относительно того, каким должен быть этот клуб, заметно расходится с тем, что на самом деле получалось. А

получалось то, что в него каким-то невообразимым для меня образом (причем, получалось, с моего согласия) оказались включены чуть ли не все городские сумасшедшие. Но ведь это было невозможно. Я понял, что совершил одну непростительную ошибку: изначально не ограничил так называемый имущественный ценз. В результате чего моими «коллегами» по клубу оказались и люди, моральный, нравственный, и интеллектуальный уровень которых оставлял желать лучшего.

Не знаю, как будет в последующих временах, а сейчас, в 1934 году, в большинстве случаев у нас в Австрии выходило так, что тот кто имел средства – имел возможность и получить образование. И даже если по каким-то причинам он не получал его – то все равно такой человек имел возможность заниматься самообразованием. Да и выходил в большинстве случаев он из обеспеченной семьи; а некоторые из них были выходцами благородных фамилий. Хотя, конечно же, бывали и исключения. И дети из бедных или малообеспеченных семей получали блестящее образование. Но такие случаи все же были менее распространены. И, по крайней мере, в моем клубе они оказались представлены в столь незначительном виде (как и обеспеченные жители Вены), что через какое-то время я вынужден был схватиться за голову. Моя идея рушилась в одночасье. Требовалось срочно что-то менять. Но не выгонять же у тех, кого я пригласил? И я решил просто переложить внимание на них на Пьера (введя что-то наподобие специального подразделения клуба, и поставив Пьера ответственным за него), а сам принялся собирать людей, у которых уже было финансовое или общественное положение, или же хорошее образование. Конечно, здесь тоже могли получиться

свои сложности. Например, тот, кто имел деньги, зачастую был не всегда образован. Но, по крайней мере, можно было надеяться на то, что он умеет себя держать в обществе. И...

В общем, вскоре случилось почти что чудо (потому как если честно сам я в это не очень-то верил), и это мое «подразделение» собрало людей даже больше, чем предыдущее. И ведь это притом, что у всех из них должно было быть (и это было чуть ли не главным -- обязательным -- условием членства в клубе) наличие какого-то психического отклонения. Пусть хотя бы пограничной стадии заболевания (что, замечу, распространенней всего, да и наиболее желанней для меня). Ведь люди находящиеся на т. н. пограничной стадии – вполне могут осуществлять ту же деятельность что и остальные (ну, то есть, они относительно здоровые). Но при этом, если одной ногой они стоят на ровной почве, то уже с другой все-таки на краю пропасти. Как бы на переднем крае. А значит и способны чувствовать то, что для других попросту закрыто. И вот для меня такие люди были наиболее желанны.

Конечно, я преследовал и еще одну цель. Ведь, как никак, все эти люди -- это клиентура. А значит -- если все преподать должным образом – я бы смог в дальнейшем оградить себя от поиска средств существования. Что иной раз для меня становилось более чем актуально.

И у меня все получилось. Моя практика возросла до невероятных размеров. На время я даже (погрузившись в проблемы других) забыл о некогда мучивших меня мыслях. Нет, конечно же, они никуда не исчезли. Надеяться на это у меня, к

сожалению, не было никаких оснований. Но уже то, что какое-то время я смог существовать без них – оказалось для меня самым счастливым подарком судьбы. И я, наверное, был по настоящему счастлив. Как впрочем, и Пьер (который на время совсем забыл о своих страхах), да и остальные. Ну, вернее сказать, некоторые остальные. Потому что, конечно же, находилась определенная категория больных, которые совсем не желали испытывать какое-то улучшение своего состояния. Причем не желали, скорее всего, бессознательно. Ведь в сознании немного найдется тех, кто не хотел бы почувствовать себя здоровым, избавившись от собственных кошмаров разума. И тогда уже те, кто – несмотря на какой-то срок нахождения в нашем клубе (а стоит заметить, что мне удалось снять для этих целей помещение и часть больных я перевел на стационар, а заодно преобразив клуб в частный пансион) не чувствовал никаких улучшений – я переводил в клинику для душевнобольных, коей заведовал мой старинный приятель Анри Бенгольц. Да и сам пансион подвергся некоторой реорганизации. Главным образом я сократил до минимума количество психопатов. Чуть больше оставил невротиков. Ну а главным образом, конечно, сосредотачивался на работе с пограничными пациентами. К тому же и тот метод психотерапии, который я применял (уже не только я, но и два моих помощника) все-таки предусматривал работу с пациентами, души которых еще окончательно не поглотила болезнь. Да и оставались ведь психиатрические или неврологические клиники, которые вполне охотно принимали желающих. А через какое-то время случилось так, что я уже и не мог принимать всех желающих. И я впервые за время своей практики ввел ограничение пациентов. (Причем будет

неверно, если кто-то подумает что главное для меня были деньги. Почти как раз наоборот. Большая часть моих пациентов были люди со средним достатком, а то и практически без такового. И только незначительная часть были откровенно и по настоящему богаты. Они-то и обеспечивали мой основной доход. И на их плечи, получается, я и переложил содержание малообеспеченных пациентов. Причем, если честно, даже не знаю, кто из них был более благодарен. А все дело в том, что я практически по отношению и тем и к другим держал себя равно. И главным образом это именно им приходилось *подстраиваться* под меня, чтобы заслужить какое-то расположение. Но это было вполне нормально. По крайней мере, я был такой человек, что -- даже в ущерб себе -- мог отказаться и вообще от всего. А значит, мог послать к черту даже тех, кто вносил самые существенные финансовые поступления).

ГЛАВА 10

Так получилось, что я слегка переусердствовал в своем желании действительно выздороветь. И видимо, до этого еще было далеко. А может окончательно не должно было наступить никогда. Потому что в один из дней я вдруг почувствовал, что мое сознание буквально переполняется совсем не нужной информацией, которая заполняла мой разум; и мне уже ничего не оставалось, как (хотя бы на время) подчиниться то *волне*, которая разливалась внутри меня.

Но ведь от этого было еще и больно. Мучительно больно. Мне приходилось преодолевать дополнительное напряжение (оказываемое на мою психику), и только для того, чтобы элементарно выжить.

То есть само течение болезни вынуждало меня тратить дополнительные усилия на поддержание самой жизни. Чтобы только-только наступило то состояние, в котором находится большинство индивидов. Состояние относительного спокойствия мыслей и разума. Когда ничто не отвлекало (ну хотя бы настолько, чтобы действительно забыть об этом тревогу), и когда можно было бы жить полноценной жизнью.

Хотя я, должно быть, слегка переборщил. Ведь сам когда-то говорил, что относительно спокойной жизни у меня уже не будет никогда.

Я словно сам (сознательно, или что может быть – бессознательно) вступил на тропу войны. И теперь мне приходилось в буквальном смысле слова сражаться с тем, что

другие, быть может, и не замечали. Ну, или, что можно было заметить не сразу.

И началась эта борьба, конечно же, еще задолго до того, как я обратил внимание на то, что с моей психикой происходит что-то странное. Необъяснимое. Хотя, конечно же, объяснение тут более чем было. И уже, думаю, в конечном итоге и на выбор моей профессии повлияло именно мое заболевание.

Пусть оно тогда еще находилось в каком-то полужачаточном состоянии.

Пусть я еще не думал, что это настолько серьезно, и что – то, что было у меня, так-то уж сильно различалось с тем, что было у других. Но оно ведь было!? Какое-то *отклонение* у меня действительно было. Да и различалось оно, конечно же, с тем, когда что-то схожее мне приходилось наблюдать у других. Хотя бы, потому, что у других *такого* не было. У большинства *других* вообще с их психикой все было относительно спокойно. Хоть и пусть простят они меня, но я все же уверен, что если хорошо поискать, то чуть ли не у каждого можно было найти какое-то отклонение. Пусть это будут не психотические заболевания. Но какой-нибудь мало-мальски заметный невроз просто обязан быть. И проявляться он мог не в болезненных ощущениях самого индивида, а, например, в каком-то отличительном поведении его. Излишней предвзятости в отношении других; болезненном самолюбии; агрессивном или наоборот, чрезмерно пассивном поведении. Да и мало ли в чем еще это могло выражаться. Важен был сам факт. И если бы у меня оказались примеры (которые складываются из возможности наблюдения за тем или иным индивидом), то наверняка я бы смог разобрать и какие-то

конкретные случаи. При которых наблюдается проявление (а то и обострение) того или иного заболевания.

И что могло бы показаться любопытным – изменялись люди, с которыми мне приходилось вступать в контакт. Они теперь казались мне другими. Нет, конечно же, я знал, что так (или примерно так) и должно происходить. Причем, после прохождения определенных этапов возраста подобное происходит чуть ли не с каждым. Но вот в моем случае это было все-таки немного иначе. Те, с кем я вроде как и неплохо общался (ну если не считать, что по натуре я все же был более замкнутым человеком, чем общительным), вдруг почти что в одночасье перестали меня интересовать. Я стал избегать их. Да и они, быть может, меня тоже.

Но ведь, по большому счету, эта была и не такая уж, чтобы *проблема*.

Ну, например, ее вполне можно было списать на изменение моих интересов (и тогда как вроде бы сразу отпадали те, кто этим интересам не соответствовал); или же, например, я мог сказать, что у меня появилось много новых друзей. А на общение «со старыми» просто не было времени. (Тем более, что психика большинства из нас, все же больше тянется к новому, чем к старому. За исключением изначально консервативно настроенных индивидов). Да и, нужны ли были эти примеры? Ведь это не больше чем мое желание показать, что я задумывался о происходящем. Тогда как само *происходящее* все больше и больше начинало беспокоить меня. Я бы мог, конечно, сказать, что боюсь. Но ведь это вполне могло оказаться и не правдой. Не совсем правдой. Потому что у меня и без того было чего бояться. Причем,

---

причина страха большей частью была необъяснима. И тогда уже как будто бы и причины как таковой – как будто бы и не было. Но я, например, совсем не мог оставаться один. И что было еще удивительнее – больше всего именно жаждал остаться один. Но тогда уже мое одиночество должно быть неким... специфическим что ли? То есть, мне нужно было, чтобы где-то поблизости обязательно был кто-то еще. Но чтобы он не попадал в мою зону видимости. И получалось, что вполне можно было и поспорить, что это было: желание одиночества? Или все же страх перед одиночеством? Потому как в одном случае, меня (порой до безобразия) раздражало то, что кто-то ко мне может обратиться с каким-то вопросом да и просто, как говорится, «мозолить» глаза. А уже с другой,-- коснись чего – и никто не сможет прийти ко мне на помощь. (При этом причины нападать на меня ни у кого, конечно же, не было). И что было самое печальное – такой страх (если это был действительно страх) существовал во мне достаточно давно. Я могу вспомнить случаи, когда нечто похожее происходило со мной, когда я был еще относительно молод. Не сказать что юн (боялся ли я что-нибудь в тот период когда был совсем маленьким мне, к сожалению, не припомнить), но вот юн... То есть, получалось, этот период обнимал где-то средний, а что еще наверняка – старший подростковый возраст. И уже наверняка период юношества. И ранней молодости. С учетом того, что потом началась и вовсе откровенная психопатология. И фобические зависимости, разумеется. Фобические зависимости...

Не было ничего страшнее их. Иногда страх накатывал на меня столь внезапно, что заставлял меня в совсем уж не

подходящее время. (Хотя бывает ли для этого подходящее время?). И тогда, случалось, я откладывал раннее запланированные дела. И не то чтобы трясся от страха (такого со мной никогда не было), но внутренне содрогался от каждого необъяснимого шороха. (Притом что любому шороху я старался найти объяснение). И где-то внутри моего сознания разливалась волна ужаса. Причина которого, большей частью, была необъяснима. И от которого я даже не стремился избавиться. Заворожено наблюдая: что же произойдет дальше?

Но чаще всего *далее* ничего не происходило. И я просто констатировал еще один потерянный день. Хотя уже могу заметить, что в тот период мне казалось, что у меня этих дней столько – что потерять один из них... Ну в общем, я бы мог отдать и год жизни (а то и десятилетие), чтобы такого никогда больше не случилось. Но, конечно же, здесь я был бессилён. Ведь все это происходило совсем не считаясь со мной. А значит надеяться на то, что мне когда-нибудь удастся управлять этим... В общем, на это я не надеялся.

Но самое мучительное случалось тогда, когда окружающий мир и я – начинали жить по своим, порой совсем отличным друг от друга правилам. Причем, большей частью – конечно же – приходилось подстраиваться мне. Что было – замечу – мучительно больно. Потому что иной раз, совсем сбивалось какое бы то ни было *видение* пути. А сам это путь представлял из себя нечто столь неопределенное, что наверняка и не нужно было даже думать об этом – чтобы хоть в чем-то разобраться. Все словно изначально оказывалось запутанно. И я просто продолжал жить в этом запутанном мире. Пока (хотя бы в качестве просвета) не

появлялось внутри меня ощущение того, как мне следовало действовать. Но такое случалось не всегда. Даже можно сказать, подобное случалось столь редко, что у меня оставалось всего два выбора: или блуждать в потемках, но верить что когда-то возвратится прежнее ощущение реальности; или же просто смириться. Не на что больше не рассчитывая.

Я выбрал второе. Тем более что-то подсказывало мне, что если я действительно хотел добиться результата, – то нужно мне было действовать именно так. Причем, с учетом того, что на сам результат можно было особо не рассчитывать. А значит, все должно было оставаться *как есть*. То есть пребывать мне в пределах тех ощущений, которые уже были. Ну а могло ли быть как-то иначе? Если интуитивно что-то подсказывает, что это должно быть так – так значит пусть и будет так. А если что-то говорит, что все таки может быть иначе – то и пусть, значит, будет иначе. Главное чтобы ничто не выпадало из ощущения той внутренней гармонии, которая как будто бы стала устанавливаться. Ну а о том, что помимо одной реальности как бы существовала и другая?.. Да я же мог, в крайнем случае, об этом не думать. Что мне было до нее. Пусть и затрагивало это мои ощущения, но начни я об этом думать постоянно – и еще не известно: не будет ли хуже? А так находился хоть в относительном – но спокойствии. И большего мне было не нужно...

ГЛАВА 11

--И Вы хотите сказать, что я ненормальный?—обратился ко мне какой-то действительно ненормальный, который (я припомнил) был в моем пансионе с начала его организации, и который вдруг возомнил что он вообще здоров.

Ну, здоров и здоров. Но так ведь этот чудила вознамерился баллотироваться в местный парламент. Что было, конечно же, невозможно. И пусть там таковых (если поискать немало), но ведь – действительно – хватало и их. Да и притом это бы бросало тень на меня (как директора пансиона и по совместительству заведующего отделением нервных болезней). Ведь пока никто из властей серьезно не касался деятельностью моей организации. (Что было мне на руку, потому что я был уверен, что серьезных проверок моя организация никогда бы не выдержала). А те, кто начинает претендовать на какие-то политические должности, непременно подвергают риску и себя и тех, кто был с ними как-то связан. Но ведь и запретить ему это делать я не мог. Почему? Да потому что, во-первых, у нас была свободная страна. А во-вторых, какой-то кризис болезни у него миновал. И конечно (на удивление) этот пациент пошел на поправку. (Если конечно не расценивать появление у него такого желания в качестве обострения заболевания).

--Ну почему же так сразу ненормальный?—весело посмотрел я на него.—Если Вы заметили – я вообще не волен кого-то считать ненормальным – а кого-то здоровым. Но если бы Вы спросили моего совета – то я бы Вам ответил, что пока Вам следует сосредоточиться на реабилитационном периоде. А потом –

пожалуйста. Вполне возможно, что через какое-то время Вы станете сначала членом парламента, а потом еще и займете должность канцлера. Такое вполне возможно (большей частью я врал. Никогда никем *таким* он не станет). Но вот только не сейчас. Если бы Вы послушали меня – то сейчас бы уехали куда-нибудь в деревню. На свежий воздух. Отдохнуть, поднакопить сил, а там глядишь и---

--Нет,--закачал он головой.—Вы, как видимо, меня не поняли. Я не спрашиваю у вас разрешения, и тем более меня не интересуеет ваш запрет. Я просто считал необходимым поставить вас в известность. И, собственно, все. А теперь разрешите мне действовать в соответствии со своими собственными интересами и убеждениями.

--Да ради Бога,--положил я руку на сердце.—Если считаете поступать именно так – поступайте. Только подпишите пожалуйста бумаги, что на ваш взгляд, вы не нуждаетесь в дальнейшем продолжении лечения, и вообще желаете выписаться из пансиона.

--Как?—недоуменно покачал он головой.—Вы меня выгоняете.

--А зачем, спрашивается, мне вас держать, если вы здоровы?—посмотрел я на него.

--И то верно,-- согласился он.

--Ну вот и славненько,--улыбнулся я.—А сейчас направляйтесь в канцелярию, оформите необходимые бумаги, и счастливо. Идите, как говорится, на выборы.

--Понятно,--несколько обреченно (или мне только показалось) ответил он.—А скажите доктор—

Я выразительно посмотрел на него.

--Могу я в последующем посещать вашу клинику?

--В любое время,--заверил я его.—В отличие от Вас, мы не имеем окончательной убежденности в выздоровлении своих пациентов (хотя такие выздоровления конечно же встречаются; и перед нами ваш пример,--я подмигнул ему). Поэтому – в любое время милости просим.

Он как-то странно на меня посмотрел.

--Ну, я хотел сказать, что двери нашего пансиона всегда открыты для наших *бывших* (я подчеркнул слово бывших) пациентов. А потому в любое время Вы вполне беспрепятственно сможете попасть к нам. Достаточно лишь вашего желания. (Или направления психиатра – подумал я, но не сказал).

--Что ж,--выразительно посмотрел он на меня.—Такие условия меня пожалуй устраивают.

(--Почему бы и нет,--подумал я).

--И с вашего позволения, я откланяюсь.

(Я кивнул).

--Так я пошел?

(--Да идите же,--подумал я).

--Да, да, конечно идите,-- я улыбнулся.—Желаю Вам удачных выборов.

Он буркнул что-то нечленораздельное и ушел.

А я подумал – как много таких людей встречается нам в жизни. И ведь когда-то они были чьими-то пациентами. А вот теперь...

Ну да ладно. У самого проблем по горло. Тем более надо еще сообщить о пропаже Пьера...

ГЛАВА 12

Как ни странно – но Пьер пропал. Причем (на удивление), его пропажу я обнаружил не сразу. И по-настоящему хватился его, когда хозяйка квартиры, которую он снимал, с заплаканным видом пришла ко мне и призналась, что ее домочадец на самом деле уже три дня как отсутствует.

--Что же Вы раньше мне не сказали?—изумился я.

Женщина молча уставилась на меня.

--Ну?—спросил я.—Вы должно быть подумали что он еще придет?

Она кивнула.

--И решили, что его пропажу в первую очередь заметят на работе, а значит как вроде бы можно и не сообщать?

Она вновь кивнула.

(--Да что Вы только киваете?—подумал я).

--Ну в принципе, Вы можно сказать правы,--посмотрел я на нее.—Это должны были заметить в первую очередь мы. А потому не думайте ни о чем плохом. Отправляйтесь домой. Занимайтесь своими делами. А я буду начинать поиски.

Она снова кивнула.

(--Ну и черт с тобой,--пронеслось у меня в голове).

--Так что идите – и ни о чем не думайте.

--Спасибо,--наконец-то произнесла она. А мне сразу стало стыдно. Мне вообще частенько в последнее время становилось стыдно. То ли я начал предъявлять к себе слишком высокие требования. То ли со мной действительно что-то происходило такое, от чего все, что было негативное, – как-то вдруг начало

потихоньку выползать из глубин подсознания. Но уже как бы то ни было, я об этом знал. И по большому счету, готов был бить тревогу – если бы у меня было не так много дел. Занимаясь коими я (волей случая) избавлялся от излишнего самоанализа.

Самоанализа,--а значит и обвинений в свой адрес. Обвинений быть может и оправданных. Но вот у меня появилась некая отдушина. И мне было приятно.

Когда женщина ушла, я понял что мне попросту нельзя не медлить ни секунды. Дело принимало совсем неожиданный оборот. Получалось, я уже не мог надеяться, что он как раньше задержался где-нибудь в кафе, или попросту бродит по улицам. Он пропал. В буквальном смысле слова пропал. Пропал и потому что его уже трое суток не было. Пропал и потому, что уже давно, в принципе, кузен моей жены пропал как личность. Потому что у него началось расслоение личности. И я просто обязан был его найти.

Чтобы спасти?

Да какой там спасти!

Я уже и не расставлял каких-то четких акцентов. Исчез человек. Это было главное. Это выходило сейчас на первый план в моих мыслях. И я должен был отыскать этого человека. А о большем думать было не нужно. Ведь я знал, что начни я думать еще о чем-то – и мысли вообще могли меня завести в безбрежную пропасть моего бессознательного. А оттуда не так-то и легко было выбираться. Поэтому сейчас я должен был попросту начинать поиски. И стараться больше ни о чем не думать.

Я искал Пьера два дня. Пока не нашел его (совершенно случайно) в собственной квартире. Да еще... под кроватью.

Сколько времени он там провел? Ведь наверняка, от туда он периодически выбирался. Тогда когда никого из нас (ни меня ни Софи – которая тоже предпринимала какие-то вои поиски. Точнее – по каким-то, казавшимся только ей известным адресам). И а когда он выползал из-под кровати – у нас пропадала еда (грешным делом списывал на домового. В кого только не начнешь верить!?!); появлялись следы чьего-то пребывания (списывал на небрежность и безалаберность Софи); и вообще мне давно уже казалось, что в моей квартире что-то происходит. Но я никак не мог понять что? Да и, наверное, все таки всецело отдавался мыслям об исчезнувшем. Об исчезнувшем, который, получалось, никуда и не исчезал. Но ведь тогда... Да... Ведь тогда, получалось, Пьер был свидетелем и нашего с Софи безудержного секса. Который каким-то образом начался именно во время «отсутствия» ее кузена.

Нет, я то понимал, что таким образом происходит просто сублимация в секс именно собственных (накопившихся за день) тревог. Но вот о чем мог подумать этот несчастный? И я склонялся к мысли, что он-то как раз посчитал, что просто является в нашем доме лишним; и только с его исчезновением мы начали жить «полноценной» жизнью. (Это было неправда. С учетом того, что Софи *хотела* всегда – я предавался с ней занятиям любовью независимо от местонахождения еще кого-то в нашей квартире. Тем более это придавало некий колорит (и ощущения что мы что-то делаем недозволенное) нашим отношениям. А Софи так и вовсе трахалась так, как будто в последний раз. (Мне бы знать, что

почти и вправду в последний. Почти в тот же день как мы нашли Пьера – как бы «случайно» он выполз сам из-под кровати – Софи выбежала на улицу и попала под автомобиль. Насмерть. Она даже не успела испугаться).

И так получалось, что я вообще не понял, что как-то сразу погрузился в какой-то другой мир. В смерть Софи я вообще не верил. Но и перестал верить в то, что Пьер нашелся. Я вообще как-то разом перестал верить во все, что меня до того окружало. Теперь передо мной открывался другой мир. И мне необходимо было научиться в нем выживать. Я сошел с ума?

Часть 2

ГЛАВА 1

Состояние которое началось у меня, вообще было трудно с чем-то сравнить. Нечто похожее мне приходилось наблюдать у части моих пациентов. Называлось это *деперсонализация*. Когда в одном человеке как будто начинает жить еще один человек. И поступки (и мысли) одного – могут подвергаться другим или критике (чаще всего) или одобрению (реже). Но все же наверняка они не могут «договориться». И тогда начинается самое страшное. Индивид начинает совершать поступки – не свойственные ему ранее. А тот, другой, наблюдая за ним как бы со стороны – может при этом самым независимым образом в это вмешиваться. И вести себя так, как будто это он живет этой жизнью. А того, другого, как будто даже не существует.

Поначалу, «по доброте душевной» я даже пытался с ними договориться. Мне казалось, что если я предложу им какое-то перемирие (им – потому что во мне каким-то образом существовало сразу две отличные друг от друга личности. И это при том, что третьей – был я), то мне удастся, в конечном счете, обратить их на свою сторону, а потом и вовсе избавиться от них. Но какой же я оказался наивный!? Или они заранее *просчитали* меня, или просто изначально видели все мной только запланированные действия, но получалось так, что со мной вдруг стали играть в какую-то игру, суть которой я понял не сразу. Так же как и не сразу догадался, что эти двое надо мной просто насмеваются.

Нет, вначале они как будто и поддались мне (при этом получается, что им все же – на время – удалось друг с другом договориться); но когда я уже предвкушал победу – они повели себя так, что я внезапно стал ощущать себя полным идиотом. Да еще мне стало казаться, что надо мной откровенно насмеются.

Что мне было делать? Ведь как бы уже изначально – смириться я не мог. Но ведь не был способен и подчиниться им. И это при том, что они меня принуждали как раз к этому. К смирению подчинению. Но этого бы им ни за что не удалось.

--Как бы не так!--восклициал я.--У вас ничего не получится! (И обзывал их при этом такими словами, какие даже и неудобно здесь приводить). Но при этом, что было самое удивительное, я им верил. Была во мне какая-то необъяснимая (логически необъяснимая) уверенность, что все это не так то и страшно. И мне еще удастся предпринять что-то, в чем именно я окажусь в стане победителей. А они, получается, проиграют.

Но вот в том-то и дело что они не могли проиграть как бы изначально. Потому что (получалось бы) точно так же – с ними вместе – проиграл бы я. Ведь мы, как никак, все же были одно целое. И любое поражение кого-нибудь из нас неким незадачливым образом проецировалось бы и на остальных. А такого уже, наверное, не смогла бы допустить и сама природа.

А потому мне приходилось терпеть. Пусть до времени,--но терпеть. Ведь я все равно был уверен, что мне когда-то удастся их обмануть. Пусть это будет противоречить логике – но все равно удастся. А значит, у меня появлялась надежда. С которой (я знал) мне удастся выжить.

.....

.....

Но как же я на самом деле заблуждался. Они ведь и в этом обставили меня. И мне только начинало думаться о чем-то (период первоначального зарождения мыслей) – а они уже обо всем знали. В моей голове еще даже что-то окончательно и не сформировалось – а они уже насмехались надо мной. Внутри себя, разумеется. Потому что они все-таки оказались достаточно хитры, чтобы дать мне прочувствовать что им все известно. Этакая, интеллектуальная игра. Когда интеллект один. Да и тот поражен разраставшейся шизофренией. Хотя, наверное, это пока еще была не шизофрения. (Как бы мне хотелось в это верить). Я бы вообще с удовольствием считал, что это было некое начало некоей загадочной болезни, которая никогда еще ни с кем не случилось (что было не так), и от которой когда-нибудь мне удастся избавиться. Мне,--потому что я себя все таки считал главным. Ведь это было мое сознание. Ведь это в моем сознании поселились эти двое. А значит, я все-таки обязан был ощущать какое-то преобладание над ними. Пусть оно и сразу не сказывалось. Пусть какое-то время мне бы пришлось пострадать, помучиться, (по) выносить их присутствие (казавшееся мне невыносимым). Но и иной дороги я не видел. Да и иного пути у меня действительно не было. А мог ли он быть у кого на моем месте? Хотя... оказывался ли кто на моем месте? Я о том, что у каждого как бы изначально все же свой путь. А я бы и не хотел кому-нибудь его отдавать. Пусть уж лучше все останется так, как есть. Мне от этого было бы

только спокойнее. А думать о других?.. Хотя мне, получается, и так приходилось о них думать. И чем больше я это делал, тем больше мне становилось грустно. Ведь я в конечном итоге запутывал сам себя. Потому что не видел – на самом деле – выхода из ситуации. И только тешил себя надеждой, что это было *пока*. То есть – *пока* я не видел выхода. А в то, что он существовал – верил. А потому все у меня должно было получиться. Иного просто и не могло быть. (Хотя мне в это большей частью хотелось верить, чем я действительно верил. Но ведь в том, что я не верю, я не мог признаться даже себе. И получается – верил?).

ГЛАВА 2

Самое интересное оказалось то, что у меня не пропало сексуальное желание. Оно быть может даже и наоборот – возросло. Вот это был уже на самом деле сюрприз. Причем уже получилось так, что если бы была жива Софи, то она бы со мной уже и не справилась (это при ее то сексуальной несдержанности?!). И я просто-напросто стал склоняться к мысли завести любовницу. Ну, или ходить в публичный дом. Что-то ведь надо было делать? Хотя, о чем это я? Неужели я не понимал, что подобное есть не иначе как следствие обострения моего заболевания. Но уж лучше, чтобы оно стало проявляться таким образом, чем, например, помутнением рассудка. Ведь в одночасье потерять свой интеллект... Нет, на это бы я никогда не решился. Так уж лучше так.

.....

.....

--Поворачивайся,--медленно произнес я.—И впредь делай так как тебе говорят. Поняла?

«Софи» смотрела на меня выпученными глазами. (После внезапной смерти Софи все женщины вдруг разом стали походить на нее).

--Нет, я вижу ты просто отказываешься понимать?!—недовольно произнес я.

«Софи» повернулась так, как я ее просил. Руками она оперлась на стойку бара. (В одной из наших комнат был чудесный бар).

--Ну что же ты? (Теперь настала ее очередь спрашивать).
Будешь что-нибудь делать?

--А как же!—ответил я, и в принципе в этот раз между нами очень даже все неплохо получилось. Ну, если не считать того, что на протяжении всего «представления» меня не отпускала мысль: «какая же она на самом деле блядь!».

Но с этим мне надо было считаться. Ведь по большому счету – не встретиться я ей тогда, в ее (да и моей) молодости, и быть может, была бы у нее теперь совсем другая жизнь. А раз так, то я, получается, был в каком-то ответе за все, что с ней сейчас происходит. И даже, быть может, был в ответе за ее отца (пришло письмо от матери Софи, где та откровенно жаловалась что Рене ей изменяет; причем уже помимо женщин перешел и на мальчиков). Хотя в том что творилось с ее отцом... Ну как я мог быть в ответе за это? Разве что если допустить, что выйди замуж Софи не за меня, а за кого другого, тот бы возжелал жить в ее родном городе. Потом там бы подружился с тестем. И они бы на пару шлялись по местным проституткам. Нет... Уж лучше ей жить со мной. Так что, получается, ее семейка мне должна сказать еще и спасибо. Хотя если честно, во мне еще были столь свежи воспоминания от посещения их города (когда я, наверное, впервые почувствовал, что начинаю сходить с ума), что мне вообще думать о родителях Софи не хотелось. Уж очень явно я их олицетворял с тем городом. Так что, уж лучше я буду мучиться от какого-то патологического чувства вины за то, что испортил жизнь Софи (хотя я ей как вроде

жизнь не испортил), что вообще кого-нибудь когда-нибудь обидел. Да что угодно. Но думать об ее родителях...

Вот ведь какое дело!?! Я неожиданно сейчас подумал, что, быть может, у меня-то все как раз и началось с того самого момента, как я впервые приехал в тот город. В город где родилась Софи. И в котором до сих еще жили ее родители. Быть может это действительно так?! И тогда получалось – если допустить что все мои психические обострения пошли как раз оттуда – то чтобы избавиться от этого мне просто необходимо было вновь посетить...

Ну уж нет... Такого раньше не могло мне привидится даже во сне. Почему же сейчас я вдруг явственно ощутил, что непременно должен сделать именно это? Поехать на родину Софи, и как говорится уже на месте – разобраться со всем тем, что со мной происходило. Ведь это вполне мог быть вирус (бред – но во что только не поверишь). И сели бы мне только удалось...

--Какая глупость!--чуть было не закричал я.--Какая чертовщина мне лезет в последнее время в голову. (Ох, если только вспомнить все мысли, которые меня посетили даже за прошедшую неделю! Да вот только вчера мне, например, почти полдня приходилось избавляться от жуткой идеи высунуться в окно и прокричать какое-нибудь ругательство. А дня два назад я подумал, что будет, если я, например, вообще бы не родился. Какой бы тогда был без меня мир? При этом мне непременно хотелось узнать, будет ли он таким же каким я его вижу сейчас, или же... В общем, в голову давно уже лезла откровенная глупость

и паскудство. И при этом я ведь понимал, что это глупость. Но вот как мне было избавиться от этого?.. А вот еще, вспомнил сейчас... Почти неделю или уже даже две назад (не помню точно; да это и не важно) мне вдруг стало казаться, что когда-то давно (еще в бытность студентом самого первого законченного мной института) ко мне в голову пришла какая-то удивительная по своей оригинальности мысль. И в тот момент я сразу же понял, что благодаря вовремя ниспосланной на меня интуиции я смогу открыть какой-то новый закон в психологии...

Тогда я эту мысль не записал. (Наверное, с тех пор я всегда ношу с собой ручку и блокнот). И даже мне казалось, почти сразу ее забыл. А вот вспомнил – теперь. И совершенно случайно. Правда, одновременно с этой мыслью я ощутил внутри себя какой-то толчок. Что бы это значило? Ведь в конечном итоге все мои мысли с недавних пор еще и замыкались на Софи. А сейчас я испытывал состояние, уже испытанное мной когда-то. Но вот когда? Вот ведь незадача? Мне вдруг не так—то легко стало вообще что-то вспомнить...).

.....
.....

Что же со мной происходит...

Конечно, я не смогу заставить себя навестить Рене и Оми. Я вообще не в состоянии выехать куда-нибудь дальше нескольких кварталов, где находился пансион. (Пансион, где я еще до сих пор был директором, хотя уже и ушел с должности заведующего, назначив на нее одного из своих заместителей). Что же со мной

происходит?.. По большому счету я ведь до сих пор не знал ответ. В мою голову вроде как периодически приходили мысли; и в том числе о возможном характер моего заболевания. Но вот насколько я мог им верить? Мне вообще не хотелось верить ни кому. В том числе, конечно же, и самому себе. Как бы это может печально и не было. Да я вообще, если разобраться, готов был вступить с собой в спор. В такой спор, при котором... Ну зачем я об этом? Ведь понятно, что все мои мысли есть логическое следствие моего состояния. А уж если я до сих пор пребываю в нем, то как, спрашивается, я мог бы во что-то верить, если – по сути – как раз верить-то мне ни во что нельзя. *Течение болезни*, как говорится, не позволяет. И если это все действительно так, то... В общем я понимал, что должен попытаться думать как можно меньше. В ином случае можно было додуматься до такого...

Нет. Однозначно надо было прекращать думать. Но вот насколько в реальности я это мог сделать?

ГЛАВА 3

На днях Софи (а я теперь вообще ничего не понимал. Если раньше мне казалось что она погибла, то уже несколько дней я явно видел ее живой. И как будто бы совершенно невредимой. Она ли это была? Или с ней на самом деле ничего не произошло? Это так и осталось для меня загадкой. Хотя, признаться, ответ я не особо-то и искал) сообщила мне удивительную новость: к нам едут ее родители. Это поистине было для меня откровением. Потому что до этого (насколько я знал) ни Рене ни Оми ни о чем таком даже не думали.

Но оказалось все намного проще. Причем, как я подозревал, инициатива эта как раз Оми. А все дело в том, что мать Софи стала подозревать, что с ее мужем стали происходить не просто странные вещи, а странные настолько, что он просто обязан был начать лечение. Ну а так как сам не соглашался, то она и придумала эту поездку, прознав, что я открыл частный пансион, куда видимо и собиралась положить моего несчастного тестя. Несчастливого, конечно же, потому что он совсем не считал себя настолько больным (да, наверное, и вообще несчастным), чтобы нуждаться в каком-нибудь лечении. И тогда уже получалось, что все проблема целиком ложилось на меня. Ибо я уже должен был не только убедить Рене лечится (как я мог это сделать?), но и фактически должен был его лечить. Ну а в случае не выздоровления у меня могли появиться еще большие проблемы. Потому что фактически Рене необходимо было лечить от его брака с мамой своей дочери. Ну и насколько я в этом вообще мог справиться? Здесь, быть может, вообще требовался больше

сексолог, чем психолог. Ну я в том плане, что справится я конечно же мог, но... Как бы это сказать. Дело все в том, что я подозревал, что эта семейная пара просто *слегка* наскучила друг другу. И быть может, что было бы вообще более оптимально, – это приехать к нам в гости кому-нибудь одному. И, наверное, все же Рене. Так сказать, оторвать его из прежней обстановки. О чем я неприминул и заявить Софи. Но женщины... Как я мог убедить мою супругу что это стоит делать именно так? Ведь, получалось, я балансировал на глупой грани между нежеланием видеть мою тещу (что было совсем не так) и, получается, бессознательным желанием увидеть ее вновь. И это притом, что если бы я действительно ее не хотел видеть, то только лишь из-за того, что мне необходимо было сохранить свою семью. Ведь я всегда знал, что теща в меня влюблена. И как она поведет теперь? А особенно после того что между нами когда-то произошло... И что действительно случится теперь. После стольких лет разлуки. Ведь вполне возможно – мне просто нужно быть к этому готовым – что между нами вновь вспыхнет страсть. И что тогда? Нет. Я об этом предпочитал не думать. Вернее – думал. Конечно же, думал. Но вот как же мне мучительно было об этом думать...

А Софи, конечно же, ни о чем не догадывалась. Она вообще по своей природе мало о чем догадывалась. И больше предпочитала, чтобы жизнь проходила как бы сама собой. Не желая особо вдумываться в специфику происходящих процессов. И тем более не задаваясь целью: почему что-то произошло так а не иначе? Конечно, можно было подумать, что она вообще была от всего далека. Но думать так, конечно, было бы уж слишком ошибочно. Потому что иной раз Софи в голову взбрела

абсолютно необъяснимая (по своему возникновению) мысль. И чтобы по настоящему от нее избавиться (сама-то она и не желала особо от нее избавляться) требовалось порой очень даже долгое время. После которого эта мысли проходила как бы сама собой. И моя благоверная об этом уже не вспоминала.

Мучительное, конечно, для меня это было время. Время настоящих кошмаров. Ибо – иной раз – какая-то ее навязчивая идея сочеталась с моей. И тогда мне приходилось по особенному трудно. Приходилось как бы одновременно избавляться (безуспешно, конечно же) и от своих мыслей (бредовых... конечно же бредовых...), и от ее. Но если что касается своих мыслей, я догадывался хоть о природе их возникновения, то уж то, что касалось Софи...

Часами, долгими часами мне приходилось ее расспрашивать буквально обо всем. Ибо сама она, конечно же, не знала от чего в ее голову пришла та или иная бредятина. А вот мне приходилось буквально по частям собирать информацию. Выуживая ее из многочисленных рассказов Софи. Рассказов в большей части *ни о чем*. Ибо так получилось, что и последние мозги моей супруги ушли в либидо. Которым она была теперь переисполнена с утра до вечера. Или лучше сказать до ночи, а то и до следующего утра. Ибо получалось – моя жена с недавних пор «хотела всегда». И было без разницы, что будить ее среди ночи, что – только посмотреть соответствующим взглядом днем, утром, вечером... Все было одно. Она была готова всегда. Что, конечно, предъявляло некие особые требования и мне. Но если я действительно не был чем-то занят настолько, чтобы нельзя было

прерваться (обычно не был. Потому что, даже прервавшись – я всегда мог восстановить свое прежнее занятие), то я тотчас же отзывался на зов ее плоти. Да и своей, конечно же. Потому что, собственно говоря, рад был и сам проникнуть в ту или иную часть тела моей супруги. А для нее, как я уже говорил, никогда не существовало каких-то табу и сексуальных запретов. Во всем другим да. Но вот если дело касалось отношений в постели... Софи готова была на все. Да и не только готова, а сама чаще всего и была инициатором всех этих сексуальных бесчинств. (В последнее время мы стали привлекать для совместных занятий любовью нашу горничную. Которая – я уже подозревал – совсем была даже и не горничная. А засланный в нашу квартиру сексуальный шпион. Ибо, оказалась, она столько всего знала...). Ну, в общем, помимо горничной была еще какая-то подруга Софи. (Тоже откровенная блядь). И даже (что уж тут скрывать)... Но нет. Зачем мне обо всем рассказывать. Тем более наши совместные сексуальные фантазии активно переплеталась с фантазиями уже моими. Являющимися следствием тех навязчивых мыслей, от которых я уже даже и не думал избавляться. Потому что они сопровождали меня повсюду. И мне, быть может, вообще ничего не оставалось, как... что? Смириться? Неужели смириться? Да быть может и смириться. Хотя, конечно же, смириться я был не намерен. Но и продолжать так жить...

Ну а что, собственно, в этом плохого? Софи хотела секса (безудержно хотела). Я ей этот секс обеспечивал. Хотели приехать

ее родители. Ну и пусть приезжают. Хотя, конечно же, было бы лучше, если бы приехал только Рене. Ведь им, в том числе и необходимо было пожить (хоть какое-то время) порознь. Ну а даже если они приедут вместе... Что в этом будет плохого? Да и ни особо-то что-то действительно будет. Так значит пусть приезжают?.. Я не знаю. Ну, действительно не знаю. Ведь должны же случаться такие моменты, когда мы что-то не знаем; в чем-то неуверенны. И предпочитаем, чтобы все образовалось как бы само собой. Быть может сейчас такой случай?

ГЛАВА 4

Так вышло, что на самом деле поехали к ее родителям мы. Идея была Софи. Но в большей мере даже спровоцировал ее я. Я просто не мог больше находиться в своем городе. Случаются такие минуты, когда вы совсем не можете заниматься прежними делами. И вам обязательно необходимо куда-то уезжать. Даже не то что стремиться во что-то неизведанное... Какое могло быть неизведанное в том месте куда мы отправлялись? Разве что я заранее знал, что в том городе все ненормальные. (Ну, по крайней мере, об этом мне постоянно говорило мое бессознательное. Которое было до отказа забито информацией с предыдущей поездки. Поездки десятилетней давности. Но которая до сих пор – в отдельных ее проявлениях – была перед глазами). Да еще быть может, я действительно не мог усидеть на месте. Не мог избавиться от своих мыслей. Которые все больше и больше начинали преследовать меня. Ну и тогда уже, получалось, собственно желание помочь семейству Моро (родители Софи) отходило на второй план. Да быть может и так. В чем-то необходимо было честно себе признаваться. Но разве это была такая уж беда? Ведь я в любом случае сделаю все возможное, чтобы наладить их семейную жизнь. (Я до сих пор отказывался верить, что у Рене начались проблемы с психикой. Быть может и начались. Но не более, чем то уже было ранее).

.....

.....

Оми и Рене нас встретили на вокзале. Сам вокзал почти не изменился. Даже не вокзал, а все тот же вокзалишка. Захудалый, и в принципе, ничего из себя не представляющий. (Как впрочем, тысячи вокзалов других более чем провинциальных городков). Но вот Оми... В первую очередь мне бросилась в глаза Оми. От прежней Оми, казалось, ничего и не осталось. Теперь это была по настоящему обворожительная женщина. И если честно – я ее захотел сразу же на вокзале. И, наверное, если бы у нас было побольше времени (тем более, если бы я приехал один, а меня встречала только Оми) между нами все бы сразу и произошло. В каком-нибудь укромном местечке, которых всегда множество на любом вокзале.

Она просто преобразилась. Да и в ее глазах читалась столь откровенная страсть, что я даже внутренне порадовался. Ведь Софи была похожа на свою мать. А значит я по крайней мере знал, какой будет моя супруга в будущем.

А вот Рене не изменился. Более того. Сейчас он мне показался откровенным мудаком. И я опять же порадовался. Потому что только представить, что он приехал бы к нам в город. Один. (А Оми бы осталась дома). И что бы я с ним делал? Второй Пьер. Да уж простит меня семейка Моро.

Тотчас после вокзала мы отправились к ним домой. И их квартира, и та комната, где нас разместили – были все те же. Я даже не сомневался, что на улице все также стоит нищий (который когда-то меня удивил) и верно и сейчас распекает свои дурацкие песенки.

Но на улицу я не спешил. Да это было бы и неприлично. Ведь я как бы неосознанно (помимо нищего) поспешил бы удостовериться, что «на месте» и Лейза (почему-то я о ней сейчас подумал), и Клод Одран, и его брат, тоже профессор Кори Сандерс (хотя он скорей всего в Америке), и... Сандра. Вот кого бы мне захотелось увидеть в первую очередь. Но... В общем, на улицу я пока не стремился. А (пока мы готовились усаживаться за праздничный – в честь приезда – стол) я получше рассматривал Оми и Рене. Нет. Ее родители, наверное, все же не так то и изменились. Быть может просто изменился я. Ведь ее мать была и раньше столь же сексапильна. Да и разве раньше я ее не желал? Быть может еще не в той степени. Ну, так на то были свои причины. И виной тому, и город (те чудеса которые происходили со мной в нем), и моя еще относительная молодость (мне тогда было 24?), ну и, конечно же, те экзамены, которые у меня были тогда. Ведь, по-моему, я тогда уже получил магистерскую степень и готовился к экзаменам на доктора. Или же...

Надо же? Я ведь мне сейчас и не вспомнить. Неужели что-то стало происходить и с моей памятью? Хотя скорее в дело вмешивается *вытеснение*. И какие-то моменты просто вытесняются из памяти. И по большому счету для меня как для специалиста соответствующего профиля надо бы было разобраться, что их по настоящему вытесняет.

Видимо что-то в моем бессознательном было заинтересованно, чтобы скрыть какую-то информацию. И вместо нее преподнести другую. Но о чем я сейчас думал? Нет. Пока все-таки хоть немножко да замедлить ход мысли. Да и Софи (а уж Оми с Рене и подавно) смотрят на меня как-то подозрительно. А?

Видимо мне задали какой-то вопрос, а я его не услышал. Но о чем они спрашивают? Я только слышу раскрывающиеся рты, но совсем не слышу каких-то звуков. Что же это такое? Разыгрывают они меня что ли? Да неужели опять со мной начинается что-то невообразимое? Ведь точно так же было и в тот раз. До этого как будто все в порядке. А как оказался в их городе... Нет. Однозначно, я не хочу повторения подобного. Но что же делать?

.....
.....

Нет, я по большому счету ничего не мог с собой поделать. Даже когда мне казалось, что ничего *такого* и не происходит (а происходило ли на самом деле?), то те, другие внутри меня начинали откровенно насмехаться надо мной. И уже желая как-то успокоить их бдительность, я готов был смириться с чем угодно. Но лишь только для того чтобы обмануть их. Тогда как на самом деле я считал иначе. И просто делал так – как желали того они. Тогда как на самом деле...

Да, я видимо не сказал, что иногда мое состояние улучшалось. Но, это я понимал, что оно улучшается. А на самом деле это выражалось в том, что я – с удивлением для себя – ощущал свою единую целостность. То есть я был один! Один в своих мыслях! И мои мысли уже не наслаивались на какие-то еще. И мне было по настоящему прекрасно жи... Нет. Что значит жить? Что вообще была моя жизнь в сравнении со всем, что меня окружало? Ведь, получалось, то состояние что было у меня... Ну

как бы это сказать? Я ведь и радовался жизни. И в то же время старался от жизни куда-то скрыться.

Черт-те что происходило на самом деле.

Но все же самое главное было то, что на время (пусть это было пока что на время) исчезали те, кто находился внутри меня. И не скажу, что мне их не хватало. Ведь только подумать!? Я действительно мог ощущать былую целостность мыслей. Мои мысли всецело принадлежали мне. И только мне. А это – как оказалось – ни с чем не сравнимое ощущение!

Но я рано радовался. Нет, те кто жил во мне ранее пока не возвратился. Но, как оказалось, одновременно со мной в этом мире появился мой двойник.

Вот ведь как! Причем, по всему выходило, он был настоящий мерзавец.

Внешне необычайно похож на меня. (Так похож, что я бы и сам его не отличил от себя. Если бы увидел. Пока не видел). И по всему выходило, что я его действительно пока не видел.

Но мне о нем говорили. Разные люди (людей я не знал – но все они были друзьями или знакомыми родителей Софи) говорили им, что видели... *меня!*?

И это в то время как я уже второй день после приезда сидел дома! (В квартире Моро!).

Но ведь такого не могло быть! Такого не могло быть, говорил я себе. И, наверное, не ошибался. Не ошибался бы. Если бы. Если бы как-то не увидел «себя» сам. В окно. Я смотрел в окно нашей с Софи комнаты (в квартире никого не было. Рене ушел,

---

видимо, к очередной любовнице. Оми куда-то ушла вместе с Софи), как вдруг увидел своего двойника. Он прошел прямо под окнами. И наверное я еще бы мог ошибиться, если бы этот гад не обернулся, и не посмотрел на меня, подняв вверх свою гнусную рожу. С ехидной улыбочкой. (Этот гад еще скалился!).

Что мне было делать? Пуститься за ним вслед? Так я бы однозначно его не догнал. Да и города я не знал. Он бы скрылся, а я бы потерялся. Но я ведь помню, как я долго в тот свой приезд искал дом Софи. И какие мне пришлось испытать приключения. (Хотя, наверное, от большей части тех приключений я бы не отказался). Так что в этот раз я решил не рисковать. И, в принципе, оказался прав. Потому что всего лишь на несколько секунд «этот человек» (был ли он человеком? Но не начинать же мне верить в духов?) задержался около дома. А потом... побежал. И, наверное, скрылся за поворотом. Я этого уже не помню. Потому как (впервые!) чуть ли не потерял сознание. В моих глазах потемнело. И я вынужден был опуститься на пол, чтобы только...

Сколько это продолжалось? Минута, две, пять?.. Но как только «отпустило» я сразу же прильнул к окну, но... Конечно же, уже никого не было. (Да и было ли?). Нет, действительно, самое лучшее для меня было убедить себя, что я обознался. И если у того прохожего и были какие-то черты схожие с моими, то ведь я никак не мог быть им?! Такое следовало вовсе исключить. И я уже почти что убедил себя в этом (удалось убедить!), но... Но пришел Рене и сказал очень рад что я уже вернулся.

--Я никуда не уходил,--медленно проговорил я.

Рене как-то подозрительно посмотрел на меня. неожиданно он стал смеяться.

--Но я действительно никуда не уходил.

--То есть ты хочешь сказать, что все это время просидел дома, и---

--Я все это время просидел дома,--перебил я его.—И еще раз говорю тебе что никуда не выходил. У меня даже ключа нет. Как бы я по-твоему попал домой?—выразительно посмотрел я на него.

--Ну, не знаю,--пожал плечами Рене.—Да я вообще не знаю: есть ли у тебя ключ или нет?

--То есть ты хочешь сказать, что я тебя обманываю?—выходя из себя спросил я.

--Ну почему обманываешь?—удивился он.—Хотя... (на лице Рене морщины поползли вверх от мучительной мыслительной работы). Получается, ты действительно никуда не выходил. (С сомнением посмотрел он на меня).

--Ну конечно же! (Какой же все-таки болван,--подумал я).

--И получается...

--Получается, получается, все получается,--со мной начиналась истерика.—Скажи: где ты меня видел?

--Не только видел, но и разговаривал с тобой.

--?

--Ну да. Я действительно с тобой разговаривал.

--Как разговариваешь сейчас?

--Да. Как разговариваю сейчас.

--Да что ты заладил как робот! Говори, наконец, где ты меня видел?—выразительно посмотрел я на него.-- Ну и, получается, о чем мы разговаривали?

--Ну как же?—с сомнением произнес Рене.—Ты сказал что отправляешься к старым друзьям; желаешь навестить какую-то Сандру.

--Сандру?—чуть ли не вскричал я. (О Сандре Рене не знал. По крайней мере, я ничего ему ни в прошлый раз, ни в этот не рассказывал. И даже намеками не расспрашивал о ней. О ней вообще никто не должен был знать. Ну, так я подумал. И вот теперь...). Я действительно что-то говорил о какой-то Сандре?

--Почему о какой-то?—удивился Рене.—Разве это не твоя любовница?

--Лю... любовница?—я инстинктивно оглянулся. Но в квартире по-прежнему мы были одни.—Какая любовница? Кто тебе сказал, что у меня может быть какая-то любовница?

--Ну как же?—Рене, казалось, только сейчас начинал по настоящему удивляться.—Ты мне сказал, что у тебя в этом городе есть любовница. Зовут ее... Сандра,--неуверенно начал Рене.

--Ну?!—выразительно посмотрел я на него.

--Ну и сказал, что ты сейчас отправляешься к ней!—раздраженно ответил он.—А ты что? Этого действительно не помнишь?

--Да я же говорю тебе, что ничего этого не было!

--Как не было?—в который уж раз удивился он.—Получается я вру?!

--Да почему же врешь? (Действительно идиот). Почему обязательно ты должен врать?—уже чуть мягче сказал я.—Вполне возможно, что тебе просто что-то привиделось. Переутомление, там, недосыпание, ну и все прочее. Разве---

---

--Я говорю правду!—почти что вскричал, перебивая меня, Рене.—Я совсем недавно разговаривал с тобой, ты сказал что управляешься трахать свою любовницу, я прихожу домой и застаю тебя уже дома. И ты же начинаешь на меня ругаться---

--Я на тебя не ругаюсь!—перебил я его.—Я просто пытаюсь тебя убедить в том, что происходило на самом деле. И сказать тебе, что ты должен верить в это. А не в какие-то домыслы. Вот и все.

--Домыслы?—неуверенно переспросил Рене.

--Ну, конечно же, домыслы. Чистой воды.

--Нет, получается, что я тогда вру,--с сомнением произнес Рене.

--Ну, если тебе так угодно – не врешь, а ошибаешься. Даже быть может, просто заблуждаешься.

--Ты так считаешь?—удрученно произнес Рене.

--Почти!—ответил я. Мне вдруг захотелось закончить этот разговор. Да и выспрашивать какие-то подробности у Рене было бесполезно. Тем более я уже подозревал, что о них мне расскажут Софи и Оми. Они ведь должны были уже скоро возвратиться. И наверняка они тоже видели «меня».

Почти так и получилось. Но к моему счастью (счастью, потому что так все вопросы как бы заранее исключались. Они просто не могли мне ни о чем толковом сказать), Софи и Оми только мельком заметили «меня». «Я» куда-то спешил (к Сандре,-- рассмеялся я про себя), и они решили, что обо всем спросят меня дома. Ну и, конечно же, удивились, увидев, что я возвратился раньше их.

Объясняться еще и с ними у меня не было сил. И я кивнул в сторону Рене. Мол, он все расскажет. Притом мне уже было все равно, если этот чудака что-то напутает или скажет не то. Я уже понял, что в городе вновь стали происходить какие-то паранормальные явления (скорее всего вызванные общей психопатологией ее жителей. Причем почти всех поголовно). И попросил хотя бы навремя оставить меня одного, чтобы обдумать происходящее.

ГЛАВА 5

Удивительно, но мне начинало казаться, что все что происходило со мной – как бы было и не со мной вовсе. Я вдруг достаточно отчетливо стал наблюдать себя со стороны. И уже получалось, быть может, точно также меня и видел кто-то другой? Но если считать так, то значит допустить существование в них неких определенных способностей, которые позволяли бы им различать не саму оболочку человека, а его некий ментальный облик. Но разве такое возможно? Тем более в массовых случаях? Скорей всего, все это было вызвано следствием массового психоза. Тогда, быть может, и становятся возможными такого рода внушения. Ведь – почти однозначно – это были внушения. Опять же,-- массовые внушения. А тогда я, получается, был по-прежнему один. Но как быть с тем, что я этого «двойника» видел сам? Но и здесь... Вполне, например, может существовать человек, внешне похожий на меня. Предположим он тоже приезжий (этим объясняется, что его раньше не видели). Или же он даже мог жить и в этом же городе. И только с моим появлением кто-то заметил нашу схожесть. И тогда уже получалось, что не было ничего необычного. А все даже может и разрешалось достаточно просто. Слишком просто.

Но вот это меня и смущало. Получалось, что опять – все вокруг дураки, а я один знаю «загадку сфинкса». Но отчего-то в это я мало верил. Значит все-таки массовый психоз.

Что же происходит в этом городе?

Почему именно здесь, люди оказываются подвержены всякого рода воздействиям на свою психику?

Неужели это действительно специфика именно этого города?

--А!--чуть ли не вскрикнул я, так что даже огляделся, не привлек ли невольно я внимание домочадцев.—Мне срочно требовалось увидеть Клода Одрана. Ведь это именно он тогда вплотную подошел к разгадке феномена города. А за прошедшие десять лет, он мог уже все и разгадать.

--Если конечно не умер,--подумал я, уже сбегая с лестницы.

С собой я никого не взял. Да мне и нельзя было кого-то брать. Ведь профессор жил в одном доме с Сандрой. А я намеревался заглянуть и к ней. И если ее мужа не будет дома... ну, в общем, всякое предусматривалось. Интересно, какая она сейчас?.. А что стало с Одраном? Увижу ли я его вообще еще в живых?

Стоп!.. Стоп! Стоп! Стоп! Стоп! Остановись несчастный!

-- Какой же я дурак,-- Франц еще не успев выскочить из поезда и замешкавшись около двери из парадной, медленно опустился на пол. Что же с ним действительно происходит? Да и он ли это на самом деле?

Обхватив голову руками Франц заскулил от отчаяний.

—Нет, нет, нет, нет,--кричал он, вскочив и став наносить удары по стене, разбивая в кровь кулаки.—Нет, нет, нет, нет,-- Франц стал биться головой об стену. Но внезапно успокоился.

--Значит профессор давно умер,--спокойно произнес он.—
И ведь умер он еще десять лет назад. И я... я застал его смерть
еще в тот мой приезд. Так значит... то, что мне в этот раз
показалось что он жив (а я ведь вполне реально только что к нему
отправился) можно было списать... Ну, например, на какое-то
жуткое вытеснение реальности из моего сознания. Не желая
осознавать эту реальность. И получалось, что мое бессознательное
как бы отказывалось все это время верить, что профессор мертв, и
потому внушало моему сознанию веру в его жизнь. Ну, то есть, я
как бы «забыл» что сам еще когда-то застал смерть профессора, и
теперь...

Франц закачал головой, остановившись. Ему вдруг трудно
стало куда-то идти.

--Надо бы, наверное, было взять кого-то,--подумал он.—
Рене хотя бы. А то и Софи. По крайней мере, была бы гарантия
того, что вообще удастся дойти...

...--Так значит профессор мертв,--вновь обреченно
произнес он.—Но тогда быть может в той квартире до сих пор еще
живет его брат? Если он, конечно, не уехал обратно в Америку...

--Но попытать удачу стоило,--уже заметно повеселев,
воскликнул Франц, и быстрыми шагами отправился к дому
профессора.

Он не дошел. Он вообще не мог дойти. Потому что почти в
то же самое время (когда он говорил эти слова) в подъезд вошли
(последовательно) Сандра Муарже, Лейза, и еще две – три
неизвестные ему молодые женщины. Они бережно взяли его на
руки, и куда-то понесли. Куда? Он не знал куда. И даже не

задумывался. Ему просто сразу стало так хорошо, как еще никогда не было до того. И это чувство эйфории нельзя было ни с чем сравнить. Вообще ни с чем. И пусть оно даже продолжалось недолго. Ему хватило и этого. И тогда уже можно сказать, что Франц Монтестье, 34 лет отроду, уроженец Германии и житель Австрии – умер счастливым. Умер в том небольшом городке, где родилась его жена. И где до сих пор еще жили ее родители. И как раз в том городе, куда он почему-то все эти годы не хотел ехать. Быть может, мы теперь знаем почему?..

Часть 3

ГЛАВА 1

Состояние, в котором я оказался, совсем не предоставляло мне возможности посмотреть на мир прежними глазами. Точнее быть может, оно вообще не предоставляло мне возможность смотреть на мир.

Как то разом я вообще потерял эти способности. Способности присущие мне раньше. И которыми, в принципе, я наслаждался. Ну и гордился, конечно же. По праву считая, что они присущи немногим. По крайней мере, я был один из «избранных». И пусть не всегда в полной мере у меня все получалось. И быть может, иногда я вообще видел совсем не то, что было нужно. Но и нельзя сказать, что все это было каким-то неожиданным и непонятым для меня. Хотя, непонятно, конечно же, было. Но не все. Да и так в большей мере было все же раньше. Но то ли дело сейчас. Сейчас я будто бы случайно оказался в мире, который существует как бы одновременно с тем миром, в котором я жил раньше. И в котором осталась большая часть тех, с кем в последнее время я общался.

Но мне они были и не нужны. Я как будто бы случайно получил возможность видеть все совсем в ином свете. И то, что открылось мне, было настолько необычно, что поначалу я просто и не смог найти слов, чтобы хоть как-то описать все что увидел.

Да и видел ли? Скорее я *чувствовал*. *Чувствовал* настолько, что способен был проникать в самую суть вещей. Смог видеть их подноготную сторону. И даже, быть может, смог бы описать эту подноготную сторону (так сказать, изнанку бытия), если бы смог писать.

Нет, конечно, писать я мог. Но вот описать это так, чтобы было понятно другим... Не знаю... Наверное, нет. Да и, пожалуй, что нет.

Другое дело, если бы кто-то помог мне это сделать. И ведь что было самое ужасное. Я все также был рядом со своими родственниками. Мог видеть улыбку Софи (только она больше не улыбалась), мог наблюдать за спорами между Рене и Оми (только они почти перестали спорить); да и вообще, можно сказать, что я находился в том же месте, где был и раньше. Но вот только... был теперь это не я. Вместо меня был кто-то похожий на меня. Невероятно похожий. Похожий настолько, что семья Моро (и вместе с ними моя жена) приняли этого другого за меня. И у них, наверное, совсем не было сомнений, что он-то как раз не я. А я нахожусь где-то рядом. И, получается, был невидимым для них. Я их видел и слышал. А они меня нет. Вот ведь как бывает.

Но неужели я умер? Ведь в это просто не возможно было поверить.

Да такого и не могло быть!?! Ведь я ясно чувствовал, что жил. Я находился в эпицентре всех происходящих событий. Но вот все это теперь происходило не со мной, а с кем-то другим. Он-то как раз и жил вместо меня. Он-то как раз совершал те поступки, которые, быть может, должен был совершить я. Он даже спал с моей женой. И не прошло недели (хотя то, что касается времени в том месте, где был я было весьма условно), как он успел переспать и с Оми. Женщина вообще на удивление ему легко поддалась. А в постели (об этом я мог судить, наблюдая со стороны) оказалась даже лучше чем Софи. Вероятно, сказался ее опыт. Да и сексуальное обаяние зрелой женщины сыграло не последнюю

роль. И этот кто-то (как я понял) большее удовольствие испытывал именно от секса с Оми. Хотя и Софи он не забывал. Ну а все мои попытки как-то его урезонить заканчивались безрезультатно. Этот кто-то просто не замечал их. И делал все так, как то казалось было нужным делать ему. Ну, то есть, мне. Как бы это все сделал я?.. Окажись я вместе него.

.....
.....

Черт-те что. Я мог рассуждать, чтобы сделал я, а все думали что это действительно я. Просто быть может чуть-чуть не похожий на себя прежнего.

Но ведь люди с возрастом только меняются? А значит, такое вполне могло произойти и с ним. А почему бы и нет?

И тогда что же получалось? Я вдруг оказался в совсем необъяснимом (быть может и для моего дальнейшего состояния) положении. И если мне необходимо было что-то менять,-- то это необходимо было делать буквально немедленно. Ибо, какая у меня гарантия, что это просто-напросто примет обороты, которые будет уже и не так то просто заглушить. А быть может, и вовсе невозможно. И тогда сейчас мне требовалось разобраться в том, что из себя представлял я. На что я вообще сейчас походил. Ибо у меня были серьезные основания сомневаться вообще во всем. В том числе и в том, что я вообще существовал. Хотя уже получалось, что я и не существовал вовсе. Меня как бы не было. Но зато вместо меня жил кто-то другой; который трахал мою жену. Спал с моей тещей. Бил (а ведь только подумать: он иногда

действительно его бил!) моего тестя. Каким-то образом не только нашел, но и заставил находиться рядом (его поселили в пустующей комнате квартиры Моро) Пьера. (Правда, потом тот все же вновь сбежал). И даже посещал (пусть и нечасто) Сандру. Сандру с Лейзой. Ибо – как оказалось – Сандра давно (уже лет пять) развелась с мужем. И ушла жить к Лейзе. Которая ей приходилась -- насколько я помнил – племянницей. И вот теперь, они жили вместе. Вместе обрадовались «моему» приезду (хотя приехал-то в город как раз я). И вместе отдавались «мне» (тому мерзавцу, который теперь был вместо меня). Причем, иногда они были столь изобретательны, что я был почти уверен: эти две женщины живут в гармонии с внешним и внутренним миром. И хотя бы за них я оказался спокоен.

И ведь, что было действительно интересно. Рене перестал шляться по девкам. Мне даже казалось, что он внезапно вообще стал импотентом. Если бы в одну из ночей не решил я вдруг внепланово заглянуть к Оми (секс между нами происходил исключительно когда мы оставались дома одни. В другие моменты предпочитали не рисковать), и сквозь приоткрытую дверь не увидел, как она делает Рене минет. При этом ее губы с трудом обхватывали разбухший от наслаждения член мужа. И мне, по крайней мере, пришлось порадоваться, что с потенцией у него все в порядке.

Но вот в том-то и дело, что я это все наблюдал как бы со стороны. То есть я все наблюдаемые мною действия совершал. Но совершал так, как будто это совершал не я, а кто-то другой. Притом что на самом деле так и было. Их совершал кто-то

похожий на меня. А я уже, (получается), лишь присутствовал при этом.

Но я не хотел только присутствовать!

Как же я не хотел только присутствовать! Мне хотелось с полным правом наслаждаться жизнью. И я считал, что имею на это все основания.

Но вот, видимо, кто-то считал иначе. Кто-то, я быть может даже и не задумывался «кто»? Мог этим «кем-то» быть и Бог. Мог быть и еще вполне кто угодно. У меня даже не было сил задумываться об этом. Все силы разом из меня словно оказались высосаны. И я парил обезвоженный и – получается – бестелесный над пространством. И был, получается, внутри этого самого пространства. И даже, быть может, не существовал вовсе. Ибо если на самом деле и существовал (хотя я так еще и не знал: существую ли я, или нет?!), то что было такое существование?.. Несчастное это было существование. Ибо при нем вы как будто и ощущаете себя. Но никто не удивится, что вас – вполне возможно – на самом деле и нет. И вот что тогда вы представляете из себя? Сгусток энергии заключенный в нематериальную оболочку?! Ибо есть вы – дух, но не есть плоть. И тогда уже я есть дух, но не есть плоть. Да и что и кто я на самом деле, если на самом деле меня и нет?! Нет. Больше не существует.

И этим все сказано.

ГЛАВА 2

Семейство Моро решило от меня избавиться. Это я почувствовал сразу. И пусть они на самом деле решили избавиться от того, кто представлял меня на земле (ибо я по-прежнему парил над ними всеми, и был невидим им). Но ведь этот кто-то фактически был я. Или я мог быть им. И если уж так получалось, что у меня оказались возможности видеть и чувствовать то, что по настоящему не мог никто из живущих на земле. А значит, я и должен был действовать как бы на шаг раньше их. И уже получалось, я просто обязан был каким-то образом предупредить «себя же» (или свою же материальную оболочку). И я уже попытался это сделать. Но как бы я на самом деле попытался это сделать? Ведь тот, другой («я»?) совсем оказался неспособен распознавать какие-то мои сигналы. То ли дело я! Если бы меня только кто-то предупреждал так, как я предупреждаю его?! Если бы только когда у меня была бы возможность получать такие сигналы!?

Но при своей жизни на земле такой возможности я был лишен. А он? А он, получается, даже отказывался замечать мои предупреждения. А ведь они касались исключительно его жизни. Его жизни. Жизни его – но не моей. Ибо как раз жизни-то у меня с недавних пор не было. Ну а в том состоянии, в котором находился я – меня было не убить. Не уничтожить. Даже если бы кто-то и попытался. Потому что невозможно уничтожить то, чего на самом деле нет. И даже пытаться не стоило. Но вот его?

Но не мог же я его оставить просто так. Если не мог спасти он себя (а он не мог),-- то спасти его должен был я. Если он

находился в таком состоянии, когда мог погибнуть – то я должен был не дать ему погибнуть. И, получается, спасти его.

Пусть даже если бы мне пришлось для того кого-то убить.

.....

.....

Первым я убил Рене. Он давно уже мне казался подозрительным. И если бы не он, то нам с Софи совсем бы не пришлось приезжать сюда. А значит, я бы до сих пор существовал в той реальности, в которой жил прежде. И пусть, конечно, я не отвечу сейчас на вопрос: где мне нравилось больше всего? На этот вопрос вообще не существует ответа. Ведь любой ответ лежит в плоскости восприятия твоего тела относительно пространства окружающего мира. А если уже получалось, что раньше у меня было тело, а теперь его нет?

Нет. Сейчас я вообще не должен думать о том. Мне необходимо было избавиться от Рене. И я это сделал. Я столкнул его с крыши. Не скажу, как мне удалось внушить Рене, что ему необходимо *забраться* на крышу. Но как только он решил это сделать – я последовал за ним. И вытолкнул его вниз. Навстречу неизвестности. Хотя у такого человека как он, никакой неизвестности, конечно же, не было. Он разбился, и его вообще не стало. Да и не нужен он мне был больше, чтобы я думал о нем.

Рене умер. Умер сразу же.

Его сердце разорвалось еще в воздухе.

Ну и черт с ним. Ведь мне еще предстояло расправиться с Софи и Оми. Или Оми и Софи. Ну а потом и убить себя. Вернее,

---

того, кто остался на земле вместо меня. В моем теле. Ведь я должен быть один. И каких-то «заместителей» мне было не нужно.

ГЛАВА 3

С женщинами расправится, оказалось неожиданно сложнее. И при этом я чувствовал, что после смерти Рене у них уже просто не оставалось шанса, как только убить меня. И если раньше такие их мысли (а я мог теперь читать мысли) посещали их только эпизодически, то теперь они были полны решимости осуществить свое намерение.

И я, получается, подвигнул их на это.

Но я не хотел. Я честно этого не хотел. Но у меня уже и не оставалось иного выбора. И тогда я стал обдумывать способ исполнения моего навязчивого желания.

Навязчивого, --потому что (оказалось) навязчивые мысли совсем не были привязаны к какой-то телесной оболочке. И если стал невидим для внешнего мира я,-- это еще совсем не значило что мне удалось избавиться от всех тревог и навязчивых состояний, которые меня окружали раньше. Они, быть может, даже увеличили свое воздействие на меня. И мне ничего не оставалось, как вообще смириться с ними.

Нечто похожее, конечно я пытался сделать и раньше. Но что такое это *раньше*? Жил-то я теперь. А значит, и должен был строить жизнь в соответствии со своей нынешней жизнью. И сегодняшними ощущениями. Ну а то, что было в прошлом?

Итак, я должен был избавиться от Оми. Сначала я выбрал ее. И не то, что это был оправданный какой-то выбор. Просто я решил, что первой должна быть она. И у меня как-то быстро все

получилось. Мне просто потребовалось какое-то время чтобы дождаться, пока поздно ночью она будет возвращаться от любовника (пришлось сделать так, чтобы к «любовнику» неожиданно вернулась жена, а Оми практически убежать перед ее приходом, и столкнувшись с ней в подъезде бежать сломя голову домой. Раскрасневшейся и пристыженной), выключить в подъезде свет, и на самой верхней ступеньке – верхних двух; я должен был исключить любую случайность – разлить масло.

Быть может, в этом я был и не оригинален. Но когда Оми уже почти поднялась на свою лестничную площадку, ноги ее резко взметнулись вверх, а тело как будто кто-то отбросил назад.

Перелетев через несколько ступенек Оми сразу же ударилась головой об бетонные ступеньки. А потому женщина уже не почувствовала как хрустнули ее шейные позвонки, и как тело – перевернувшись – опустилось на голову ее чудесной маленькой попкой (которая соблазнила когда-то стольких мужчин).

Оми была мертва. Она даже не успела вскрикнуть. Разве что от удивления. Но и этого ей не было позволено. Зато быстрая смерть. Не так как у Софи. Которая оказалась не в состоянии перенести внезапные (как она считала), смерти родителей, выпила почти все таблетки из аптечки, и умирала долго и мучительно. В страшнейших судорогах, ну и со всей прочей атрибутикой такого рода смертей, когда из всех частей вашего тела буквально все извергается наружу, и вы захлебываетесь в кале, моче, поте, рвотных массах и собственной крови. (Как бы еще и «для надежности» мне пришлось «убедить» ее перерезать себе вены и

выбраться в дачный домик, где по настоящему никто бы «не помешал» осуществить задуманное).

Я думаю, она не знала, что ей будет так больно. Но не мог же я себе позволить ее предупредить!? Ибо я в это время тоже был «занят». Мне пришлось «убедить себя» (вернее того, кто оставался вместо меня в той реальности, где меня уже давно не было) сначала вколоть дозу морфия, а потом выкурить папиросу гашиша. И этого оказалось достаточным, чтобы начать медленно резать свое тело, стремясь вырезать «злое» сердце.

Ну а так как отчего-то казалось что сердце – стремясь избежать своей участи – перемещается по всему телу, то когда полицейские взломали дверь (кто вызвал полицию до сих пор загадка), они увидели буквально искромсанное валявшимся рядом ножом обнаженное тело мужчины. На его безжизненном лице застыла удовлетворенная улыбка. Он так и не успел раскаяться в том, что совершил. И умер счастливым.

Сергей Алексеевич Зелинский.

05 марта 2006 года.

© С.А.Зелинский. Безумие.